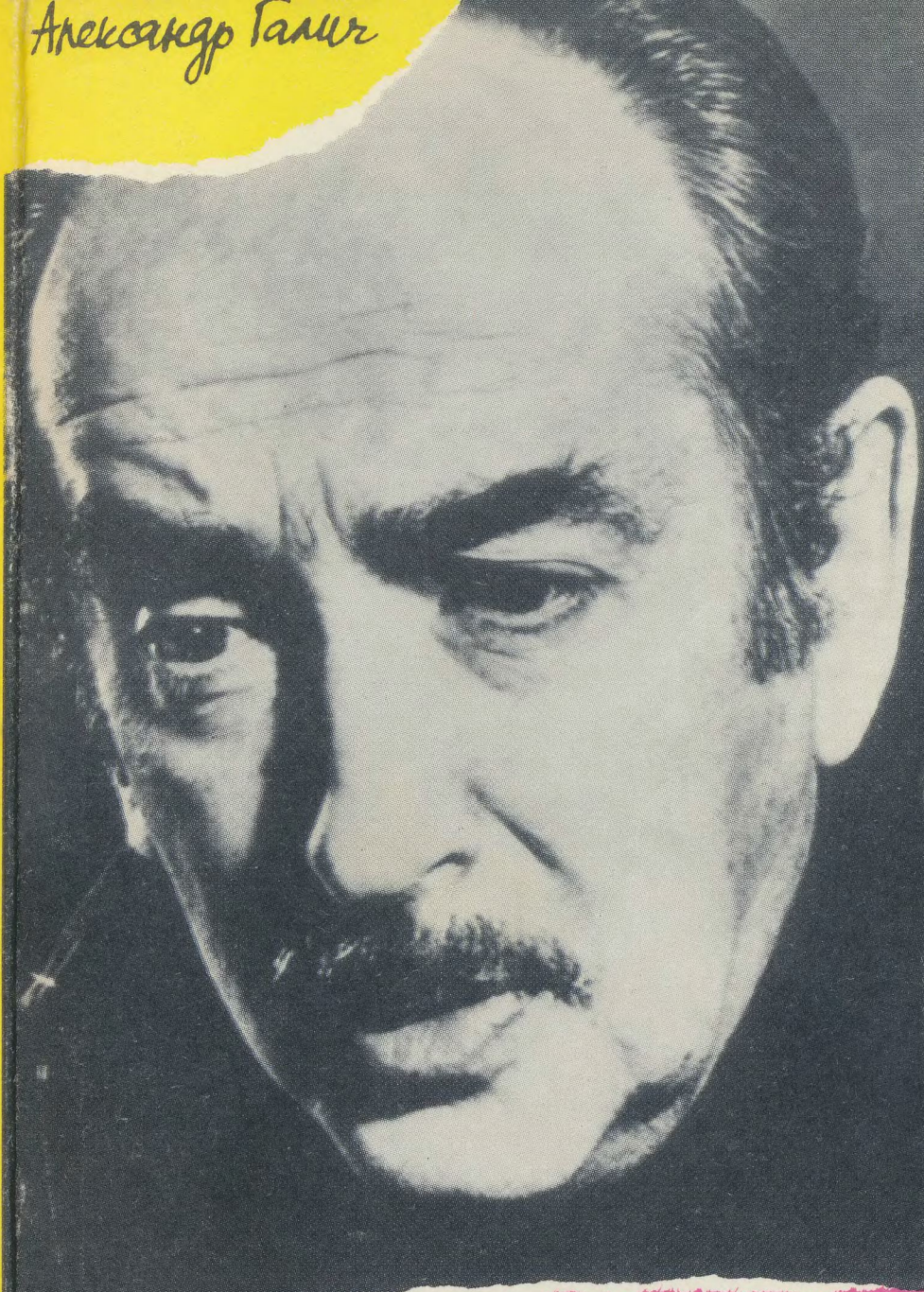
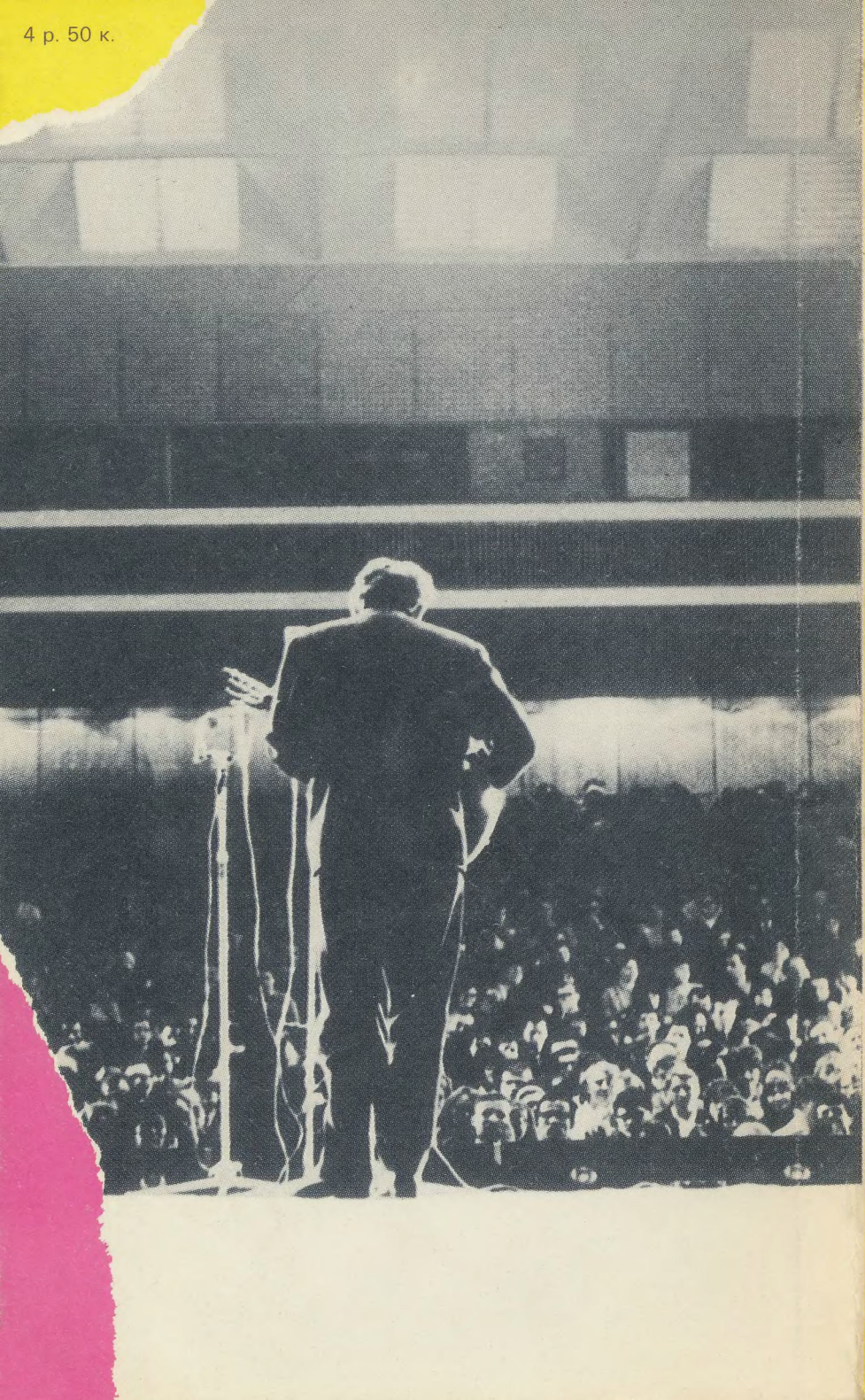

Александр Галич Избранные стихотворения

Александр Галич

Избранные стихотворения

Уж свита водки выпила,
А он глядит на дверь!
Сидит с ^{Мордасью} ~~маленьком~~ выпела
И все глядит на дверь!
Все потчуют союзника,
А он сопит, как зверь...
Но тут раздалась музыка
И отворилась дверь!

Вся в тиле и в пан-барх^{те}
В ~~за~~ Леночка вошла.

Все прямо так и ахнули,
Когда она вошла!

И сам красавец царственный -
Ахмед-али-паша,

Воскликнул - вот так - здравствуйте!
Когда она вошла!

Ах, милые-хорошие,
Когда она вошла.

И вск^{ре}фе нашу Леночку,
Узнал весь белый свет!

Останкинскую девочку
Узнал весь белый свет!

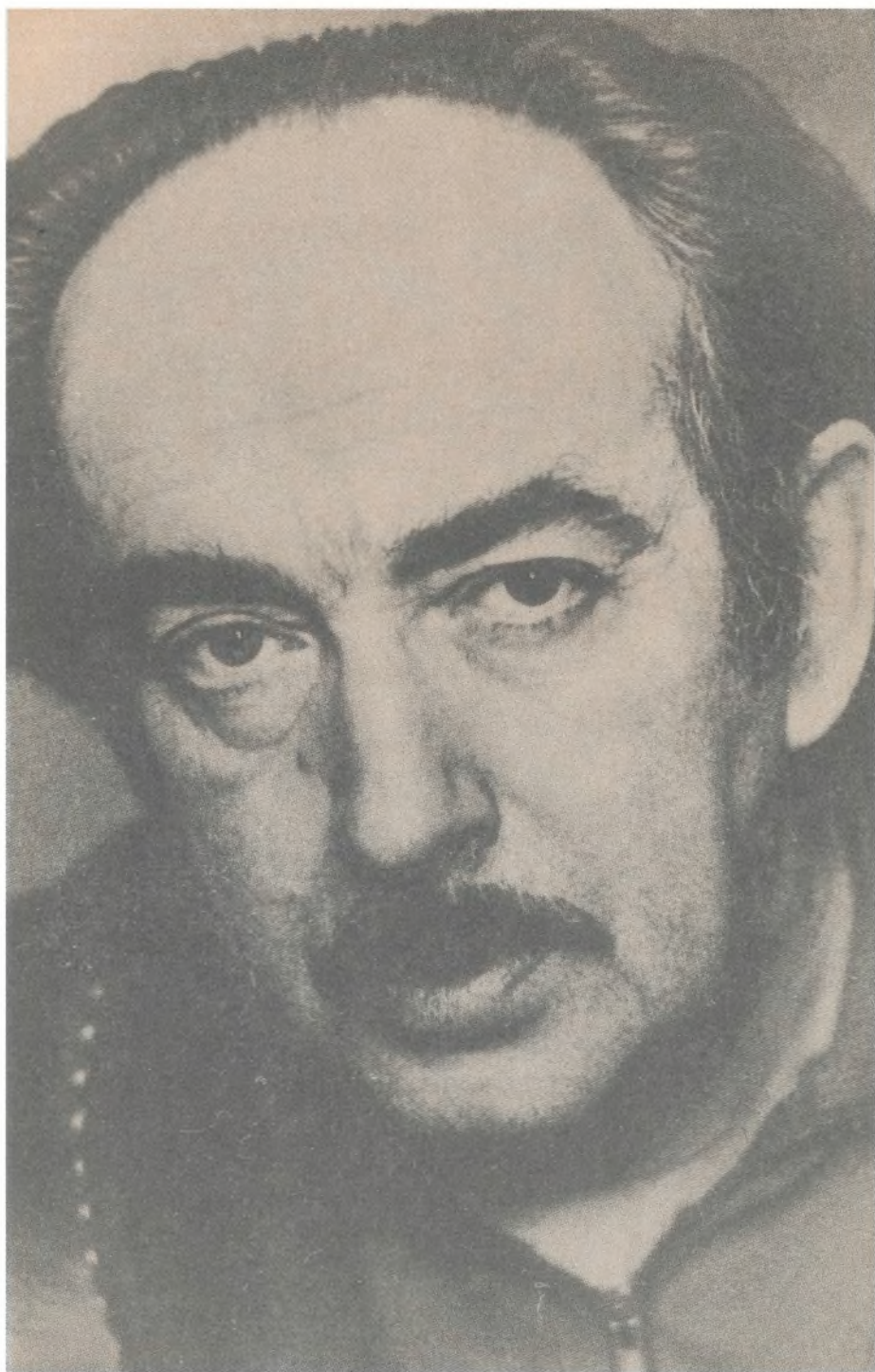
Когда, покончил с папою,
Стал шахом принц Ахмед -

Шахию Эл, Потапову
Узнал весь белый свет!

Ах, милые-хорошие,
Узнал весь белый свет!

Стихи Александра Галича оказались счастливее его самого: они легально вернулись на родину. Да будет благословенна память об удивительном поэте, изгнаннике и страдальце.

БС Окуджава

Александр Ташир
Избранные
Стихотворения

Издательство
Агентства печати Новости
Москва - 1989г.

Издание подготовлено
Комиссией по литературному наследию А.Галича
и Московским городским Центром авторской песни
при МГК ВЛКСМ
при участии кооператива "Инновационный фонд"

Составитель *А.Шаталов*
Предисловие и консультации *А.Архангельской (Галич)*

В сборник вошли избранные стихотворения Александра Аркадьевича Галича (1918-1977). Первая часть по своей композиции, названиям стихотворений и их вариантам повторяет домашнюю „самиздатовскую“ книгу, составленную автором в 1966 году. Во вторую часть вошли стихотворения последующих лет. В качестве приложения публикуются две статьи, посвященные Новосибирскому фестивалю бардов 1968 года.

Набор и верстка на компьютерной системе
„Настольное издательство“

Алена Архангельская (Галич)
ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Где же ты, моя Алена,
Где же ты, родная дочь,
О тебе на Малой Бронной
Папа помнит день и ночь.

Эти строки из письма папы ко мне я помнила всегда. Но настало время, когда мне необходимо (да и стало, к счастью, возможным) исполнить мой долг по отношению к нему. Сейчас мы выпускаем первые книги отца. Им написано много, очень много. Первые мои детские и смутные воспоминания — наша полутемная и длинная комната на Малой Бронной. Я, как всегда, с ангиной и перевязанным горлом в кровати. Настольная лампа на письменном столе и склоненная над столом голова с каштановой копной волос. Тверской бульвар, где мы гуляем с отцом, то есть я копаю, строю песочные замки, а он сидит на скамейке — пишет. Премьера в Театре сатиры „Таймыра“, куда мы идем с бабушкой, и я чувствую себя очень взрослой. Спектакль Андрея Гончарова. Играли его в здании на площади Маяковского, которого там давно уже нет (потом там был театр „Современник“). Отец, радостный и счастливый, таскает меня на руках к великому моему неудовольствию — ведь я уже взрослая...

Детство наплывает отдельными расплывчатыми воспоминаниями. Театр был в нашей жизни воздухом, хлебом, естественной потребностью. Для театра писались и песни

— первые, официальные (к пьесам „Город на заре“, „Улица мальчиков“, „Походный марш“...) Их помнят до сих пор, только автора забыли.

Но вот прошли годы. Я учусь в ГИТИСе. Педагог из Щукинского училища Юнна Вертман находит меня на занятиях: посмотреть на меня и попросить познакомить с отцом — ведь он пишет удивительные песни... Удивительные? Мне странно... Папа пишет песни. Хорошие. Очень хорошие. Мне кажется, что он никогда не писал плохие... Но это естественно, ведь он мой отец, я всегда им гордилась. После занятия я бегу к нему на „Аэропорт“ с подругой по детской театральной студии. (Театральная студия Михаила Михайловича Яншина при драматическом театре Станиславского. Это еще до ГИТИСа, конечно. Именно та первая студия, где учился отец у Станиславского, легла в основу этого театра — мне преподают однокашники отца...) Мы слушаем его новые песни.

То, что он открыл новый песенный мир, нашел свою форму, выход своей боли, я не поняла сразу. К сожалению, так часто бывает. Он был мой отец, и значительность его творчества — она как-то закрывалась своей домашней обыденностью. Я гордилась, мне нравилось, я знала... Но чтобы тогда понять его так, как теперь, когда его уже нет... Очень об этом больно писать. Мне и тогда было больно, что песни его не печатают, но мое природное легкомыслие (отцовское) успокаивало — напечатают, не могут не напечатать, ведь его любят и ценят и Корней Иванович Чуковский, и Анна Андреевна Ахматова, его слушают академики, у него вдруг даже приняли заявку на публикацию книги стихов и пьесы „Матросская тишина“ в издательстве „Искусство“... Правда, потом тоже не напечатали.

Беда всегда бывает неожиданной, как бы к ней ни готовились. Исключение из Союза писателей в декабре 1971. Последующее исключение — автоматически — из Союза кинематографистов и даже из Литфонда. И никакие заступничества не могли помочь. Да и мало их было, заступников. Наперечет — в основном зарубежные друзья. У нас — только сочувствовавшие.

А ведь совсем недавно, в 1969 году, у него на дне рождения 19 октября квартира была набита народом, приехали друзья из Тбилиси, и он впервые тогда прочитал, не спел еще, свою песню о Тбилиси. А вот уже 1972, 1973 год — полупустая квартира на дни рождения. И только самые близкие, самые любящие. Зато теперь — целые армии с а м ы х б л и з к и х друзей. Но это спустя почти двенадцать лет после смерти.

У меня хранится „Генеральная репетиция“ — рукопись. На ней дата — „29 мая 1973 года. Серебряный бор“. Подарена она мне была после моего приезда в августе с гастролей из Фрунзе, ко дню рождения. В Москве я уже не работала. Не думала я тогда, сколько раз мне и моим друзьям придется потом перепрятьвать эту рукопись.

А первая книжка лежала у бабушки на Бронной. Ее еще дед переплетал. Папа подписал ее, им же она была и перепечатана на машинке. В общем, домашний самиздат. Как он ее составил, так мне и захотелось ее опубликовать. Я не литературный критик и не писатель, но мне кажется: его горечь, боль, ирония, его неистребимая вера в лучшее — „все безумные образумятся, все итоги непременно подытожатся“ — обретает себя. Я верю, что скоро те, кто не знал его, — узнают, а кто любил — полюбят еще больше.

Стихотворения

1961-1966 20906

...Это стихи. И это песни. Во всяком случае, это стихи, которые поются. То, что исполняются они, как правило, под аккомпанемент гитары — не делает их ни хуже, ни лучше. Просто именно так и для этого они написаны...

АНГЕЛИНЕ

I. От первого
мужа...

Баньсы

1. СТАРАТЕЛЬСКИЙ ВАЛЬСОК

Мы давно называемся взрослыми
И не платим мальчишеству дань.
И за кладом — на сказочном острове —
Не стремимся мы в дальнюю даль!
Ни в пустыню, ни к полюсу холода,
Ни на катере — к такой матери!..
Но поскольку молчание — золото,
То и мы, безусловно, старатели.

Промолчи — попадешь в богачи,
Промолчи, промолчи, промолчи!

И не веря ни сердцу, ни разуму,
Для надежности спрятав глаза,
Сколько раз мы молчали по-разному,
Но не „против“, конечно, а „за“!
Где теперь крикуны и печальники?!
Отшумели и сгнули смолода!
А молчаливники вышли в начальники,
Потому что молчание — золото!

Промолчи — попадешь в первачи,
Промолчи, промолчи, промолчи!

И теперь, когда стали мы первыми,
Нас заела речей маята!
Но под всеми словесными перлами
Проступает — пятном — немота!
Пусть другие кричат от отчаянья,
От обиды, от боли, от голода.
Мы-то знаем — доходней молчание,
Потому что молчание — золото!

**Вот как просто попасть в богачи,
Вот как просто попасть в первачи,
Вот как просто попасть в палачи —
Промолчи, промолчи, промолчи!..**

2. ЖЕНСКИЙ ВАЛЬС

Как мне странно, что ты — жена.
Как мне странно, что ты жива.
А я-то думал, что просто —
Ты мною воображена!

Не считайте себя виноватыми,
Не ищите себе наказанья,
Не смотрите на нас вороватыми
Перепуганными глазами,
Будто призваны вы, будто позваны,
Нашу мўку — терпеньем мелете!
Ничего, что родились поздно вы,
Вы все знаете, все умеете!

Как мне странно, что ты — жена.
Как мне странно, что ты жива.
А я-то думал, что просто —
Ты мною воображена.

Никаких вы не знали фортелей,
Вы не плыли бутырскими окнами,
У проклятых ворот в Лефортове
Вы не зябли ночами мокрыми.
Но ветрами подует грозными —
Босиком вы беду измерите!
Ничего, что родились поздно вы, —
Вы все знаете, все умеете!

Как мне странно, что ты — жена.
Как мне странно, что ты жива.
А я-то думал, что просто —
Ты мною воображена.*

Не дарило нас время сладостью,
Раздавало горстями горькость,
Но великою вашей слабостью
Вы спасли нам не жизнь, а гордость!
Вам не будет сторицей воздано,
И пройдем мы по веку розно...
Ничего, что родились поздно вы, —
Воевать никогда не поздно!..

Как мне страшно, что ты — жена.
Как мне страшно, что ты жива.
Воркутинскою долгой ночью
Ты была воображена!..

---

* Вторая строфа и припев этой песни в оригинале отсутствуют и публикуются по более поздним авторским редакциям — *Сост.*

3. ВАЛЬС. ПОСВЯЩЕННЫЙ УСТАВУ КАРАУЛЬНОЙ СЛУЖБЫ

Поколение обреченных!
Как недавно и — ах, как давно! —
Мы смешили смешливых девчонок,
На протырку ходили в кино.
Но задул сорок первого ветер,
Вот и стали мы взрослыми вдруг.
И вколачивал шура-ефрейтор
В нас премудрость науки наук.
О, суконная прелесть устава!
И во сне позабыть не могли,
Что любое движенье направо
Начинается с левой ноги!..
А потом в разноцветных нашивках
Принесли мы гвардейскую статью
И женились на разных паршивках,
Чтобы все поскорей навестать.
И по площади Красной, шалея,
Мы шагали, со славой „на ты“!
Улыбался нам Он с мавзолея,
И охрана бросала цветы.
Ах, как шаг мы печатали браво!
Как легко мы прощали долги,
Позабыв, что движенье направо
Начинается с левой ноги!..
Что же вы присмирили, задиры?
Не такой нам мечтался удел.
Как пошли нас судить дезертиры —
Только пух, так сказать, полетел!..

— Отвечай, солдат, как есть на духу,
Отвечай, солдат, как есть на духу,
Отвечай, солдат, как есть на духу —
Ты кончай, солдат, нести чепуху!
Что от Волги, мол, дошел до Белграда,
Не искал, мол, ни чинов, ни разживу.
Так чего же ты не помер, как надо,
Как положено тебе по ранжиру?!
Еле слышно отвечает солдат,
Еле слышно отвечает солдат,
Еле слышно отвечает солдат:
— Ну, не вышло помереть, виноват!
Виноват, что не загнулся от пули,
Пуля-дура не в того угодила.
Это ж вроде, как с медалями в ПУРе, —
Вот и пули на меня не хватило!

— Все морочишь нас, солдат, стариной,
Все морочишь нас, солдат, стариной,
Все морочишь нас, солдат, стариной,
Бьешь на жалость, гражданин строевой!
Ни деньжат, мол, ни квартирки отдельной,
Ничего, мол, нет такого в заводе.
И один ты, значит, шибко идейный,
А другие, значит, вроде Володи!
Ох, лютует прокурор-дезертир,
Ох, лютует прокурор-дезертир,
Ох, лютует прокурор-дезертир,
Припечатает годкам к десяти!..

Что ж, друзья мои, дуралеи,
Снова — в грязь непроезжих дорог?!
Заключенные параллели
Преподали нам славный урок!
Не делить с подонками хлеба,
Перед лестью не падать ниц,
И не верить — ни в чистое небо,
Ни в улыбки сиятельных лиц!
Пусть опять нас тетёшкает слава,
Пусть друзьями назвались враги,
Помним мы, что движенье направо
Начинается с левой ноги!

4. КОЛЫБЕЛЬНЫЙ ВАЛЬС

Баю-баю-баю-бай,
Ходи в петлю, ходи в рай,
Баю-баюшки-баю,
Хорошо ль тебе в раю?!
Улетая — улетай,
Баю-баю-баю-бай!

Но в рай мы не верим, нехристи,
Незрячим — к чему приметы?!
А утром пропавших без вести
Выводят на берег Леты.
Сидят пропавшие, греются,
Следят за речным приливом.
А что им, счастливым, грезится?
Не грезится им, счастливым!

Баю-баю-баю-бай,
Забывая — забывая!

Идут им харчи казенные,
Завозят вино — погуливают.
Сидят палачи и казенные,
Поплевывают, покуривают.
Придавят „бычок“ подошвою,
И — в лени от ветра вольного —
Пропавшее наше прошлое
Спит под присмотром конвойного!

Баю-баю-баю-бай,
Ходи в петлю, ходи в рай,
Гаркнет ворон на плетне:
Хорошо ль тебе в петле?!
Умирая — умирай,
Баю-баю-баю-бай!

Mapua

1. СЛАВА ГЕРОЯМ

Совместно с Г. Шпаликовым

...Трубачи трубят сбор!..

У лошади была грудная жаба,
Но лошадь, как известно, не овца.
И лошадь на парады выезжала,
И маршалу про жабу ни словца!

А маршал, бедный, мучался от рака,
Но тоже на парады выезжал.
Он мучался от рака, но однако
Он лошади об этом не сказал!..

Нам этот факт великая эпоха
Воспеть велела в песнях и стихах,
Хоть лошадь та давным-давно издохла,
А маршала сгноили в Соловках!

...Трубачи трубят сбор!..

2. СМЕРТЬ ИВАНА ИЛЬИЧА

...А врач сказал — будь здоров, паралич!
Помирает Иван Ильич!

Ходят дети с внуками на цыпочках,
И хотя разлука не приспела,
Но уже месткомовские скрипочки
Принялись разучивать Шопена!

...А врач сказал — может, день, может, два!
Он и сейчас уже дышит едва!

Пахнет в доме горькими лекарствами,
Подгоревшим давешним обедом.
Пахнет в доме скорыми мытарствами
По различным загсам и собесам!

...А врач сказал — ая-яя-яя, вот те раз!
А больной-то, братцы, помер у нас.

Был он председателем Правления,
Но такая вещь житье-бытье:
Не напишешь просьбу о продлении,
Некому рассматривать ее!

...А врач сказал — извиняюсь, привет!
Ждал врача подгоревший обед.

3. ЗАКОН ПРИРОДЫ (подражание Беранже)

Ать-два, левой-правой,
Три-четыре, левой-правой,
Ать-два-три,
Левой — два-три!

Отправлен взвод в ночной дозор
Приказом короля.
Выводит взвод тамбур-мажор,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля!
Эй, горожане, прячьте жен,
Не лезьте сдуру на рожон,
Выводит взвод тамбур-мажор,
Тра-ля-ля-ля!
Пусть в бою труслив, как заяц,
И деньжат всегда в обрез...
Но зато — какой красавец!
Черт возьми, какой красавец,
И какой на вид храбрец!

Ать-два, левой-правой,
Три-четыре, левой-правой,
Ать-два-три,
Левой — два-три!..

Проходит пост при свете звезд,
Дрожит под ним земля.
Выходит пост на Чертов мост,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля!
Чеканя шаг, при свете звезд,
На Чертов мост выходит пост,
И, раскачавшись, рухнул мост,
Тра-ля-ля-ля!

Целый взвод слизнули воды,
Как корова языком.
Потому что у природы
Есть такой закон природы:
Колебательный закон!

Ать-два, левой-правой,
Три-четыре, левой-правой,
Ать-два-три,
Левой — два-три!

Давно в музей отправлен трон,
Не стало короля.
Но существует тот закон,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля!
И кто с законом не знаком —
Пусть учит срочно тот закон,
Он очень важен, тот закон,
Тра-ля-ля-ля!
Повторяйте ж на дороге,
(Не для кружева-словца!),
А поймите, ей же Богу,
Если все шагают в ногу —
Мост обру-ши-вает-ся!

Ать-два, левой-правой,
Три-четыре, правой-левой,
Ать-два-три,
Левой-правой... Кто как хочет!

4. ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Оя, не шейте вы, евреи, ливреи!
Не ходить вам в камергерах, евреи!
Не горюйте вы зазря, не стенайте —
Не сидеть вам ни в Синоде, ни в Сенате.

А сидеть вам в Соловках да в Бутырках,
И ходить вам без шнурков на ботинках,
И не делать по субботам лехаим,
А таскаться на допрос с вертухаем.

Ну, а если ты торгуешь елеем,
Можешь стать тогда „полезным евреем“,
Можешь сам себя назвать Рос-си-нан-том
И украсить лапсердак аксельбантом!

Но и ставши в ремесле в этом первым,
Все равно тебе не быть камергером,
И не выйти на елее — в Орфеи!..
Так не шейте ж вы ливреи, евреи!..

5. ОШИБКА (реквием под гитару)

Мы похоронены где-то под Нарвой,
  под Нарвой... под Нарвой...

Мы похоронены где-то под Нарвой,
Мы были — и нет!

Так и лежим, как шагали — попарно,
  попарно... попарно...

Так и лежим, как шагали — попарно,
И общий привет!

И не тревожит ни враг, ни побудка,
  побудка... побудка...

И не тревожит ни враг, ни побудка
Померзших ребят.

Только однажды мы слышим — как будто,
  как будто... как будто...

Только однажды мы слышим — как будто
Вновь трубы трубят!

Что ж, поднимайтесь, такие-сякие,
  такие... сякие...

Что ж, поднимайтесь, такие-сякие,
Ведь кровь — не вода!

Если зовет своих мертвых Россия,
  Россия... Россия...

Если зовет своих мертвых Россия,
Так значит — беда!

Вот мы и встали в крестах и нашивках,
  нашивках... нашивках...

Вот мы и встали в крестах и нашивках,
В снежном дыму.

Смотрим и видим, что вышла ошибка,
ошибка... ошибка...

Смотрим и видим, что вышла ошибка
И мы — ни к чему!

Где полегла в сорок третьем пехота,
пехота... пехота...

Где полегла в сорок третьем пехота,
Без толку, зазря!

Там, по пороше, гуляет охота,
охота... охота...

Там, по пороше, гуляет охота,
Трубят егеря!

Где полегла в сорок третьем пехота,
Где полегла в сорок третьем пехота —
Там, по пороше, гуляет охота,
Трубят егеря!

6. ЛЕВЫЙ МАРШ

Б. Метальникову

— Левой, левой, левой,
Левою, шагом марш!

...Нет, еще не кончены войны!
Голос чести — еще невнятен.
И на свете, наверно, вольно
Дышат йоги... И то навряд ли!
Наши малые войны были
Ежедневными чудесами —
В мутном облаке книжной пыли,
В государственных предписаньях!

— Левой, левой, левой,
Левою, шагом марш!

Помнишь, сонные понятия
Встали — к притолоке головой —
Как мечтающие о тыле
Рядовые с передовой?!
Помнишь — вспоротая перина —
В зимней комнате летний снег.
Молча шел, не держась за перила,
Обещенный человек!

— Левой, левой, левой,
Левою, шагом марш!

И не пуля, не штык, не камень,
Нас терзала иная боль!
Мы — бессрочными штрафниками —
Начинали свой малый бой!

По детдомам, как по штрафбатам,
Что ни сделаем — все вина!
Под запрятанным шла штандартом
Необъявленная война!

— Левой, левой, левой,
Левою, шагом марш!

И не странно ли, братья серые,
Что по-волчьи мы, на лету,
Рвали горло — за милосердие,
Били морду — за доброту!
И ничто нам не любо, кроме
Поля боя при лунном свете!
Говорили — до первой крови,
Оказалось — до самой смерти!

— Левой, левой, левой,
Левою, шагом марш!

7. НОЧНОЙ ДОЗОР

Когда в городе гаснут праздники,
Когда грешники спят и праведники,
Государственные запасники
Покидают тихонько памятники.
Сотни тысяч — и все похожие! —
Вдоль по лунной идут дорожке.
И случайные прохожие
Нувыркаются в неотложки!

И бьют барабаны:
— Трам-пам-пам!

На часах замирает маятник,
Стрелки рвутся бежать — обратно!
Одинокий шагает памятник,
Повторенный тысячекратно.
То он в бронзе, а то он в мраморе,
То он с трубкой, а то без трубки.
И за ним, как барашки на море,
Чешут гипсовые обрубки!

И бьют барабаны:
— Трам-пам-пам!

Я открою окно, я высунусь,
Дрожь пронзит — будто сто по Цельсию!
Вижу — бронзовый генералиссимус
Шутовскую ведет процессию!

Он выходит на место Лобное,
Гений всех времен и народов,
И, как в старое время доброе,
Принимает парад уродов!

И бьют барабаны:
— Трам-пам-пам!

Прет стеной мимо дома нашего
Хлам, забытый в углу уборщицей.
Вот сапог гроыхает маршево,
Вот обломанный ус топорщится!
Им пока скрипеть да поругиваться,
Да следы оставлять линючие.
Но уверена даже пуговица,
Что сгодится еще при случае!

И будут бить барабаны:
— Трам-пам-пам!

Утро родины нашей — розово.
Позывные летят, попискивая.
Восвояси уходит бронзовый,
Но лежат, притаившись, гипсовые!
Пусть до времени покалечены,
Но и в прахе хранят обличье!
Им бы, гипсовым, человечины —
Они вновь обретут величие!

И будут бить барабаны:
— Трам-пам-пам!

8. СТО ТЫСЯЧ ПОЧЕМУ

Спрашивает мальчик — почему?
Спрашивает мальчик — почему?
Двести раз и триста — почему?
Тучка набегает на чело!
А папаша режет ветчину,
А папаша режет ветчину,
Он сопит и режет ветчину
И не отвечает ничего!

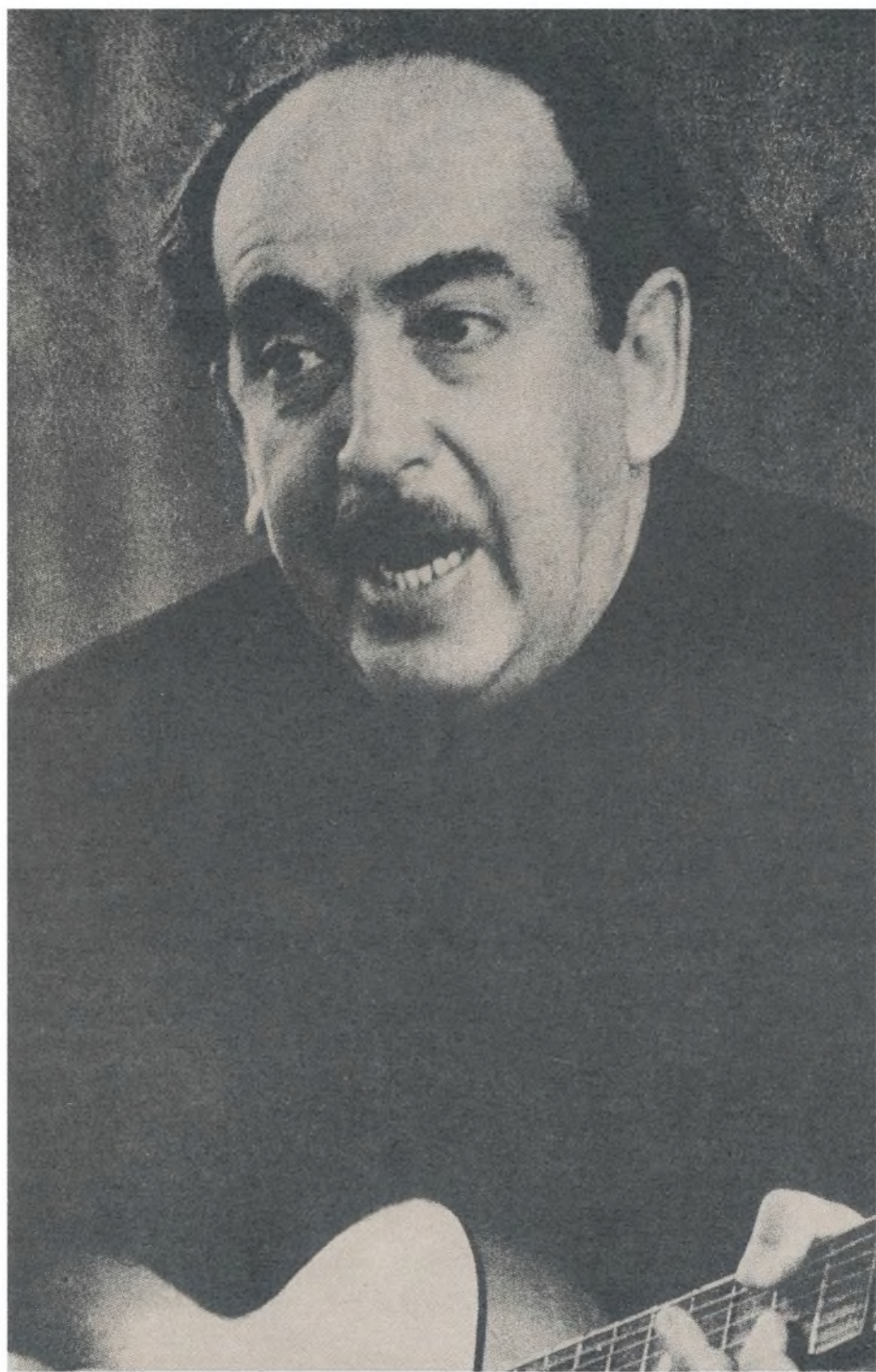
Снова замаячили — боль, боль,
Снова рвутся мальчики — в пыль, в бой,
Вы их не пугайте, не отваживайте,
Спрашивайте, мальчики, спрашивайте,
Спрашивайте... Спрашивайте!

Спрашивайте, как и почему?
Спрашивайте, как и почему?
Как, и отчего, и почему —
Спрашивайте, мальчики, отцов!
Сколько бы ни резать ветчину,
Сколько бы ни резать ветчину,
Сколько бы ни резать ветчину, —
Надо отвечать, в конце концов!

Но в зрачке-хрусталике — вдруг муть,
А старые сандалики — ух, жмут!
Ну и не жалейте их, снашивайте.
Спрашивайте, мальчики, спрашивайте,
Спрашивайте... Спрашивайте!

© nozzu

1. ПРОПАВШАЯ РИФМА

*...Может быть, десяток неизвестных рифм,
Только и остался,*

что в Венецуэле!

В. Маяковский

...Установлены сроки и цены
И в далекий путь, между рифмами,
Повезли нам из Венецуэлы
Два контейнера с новыми рифмами!

По морям — по волнам,
По морям — по волнам,
По морям — по волнам!

Так — с пшеницей и ананасами —
Плыли рубленные и дольные,
Современные, ассонансные,
Не какие-нибудь глагольные!

...По морям — по волнам!

Не снимает радист наушники,
А корабль подплывает к пристани.
Но биндюжники — есть биндюжники,
Пол-бочонка с рифмами свистнули!

...По морям — по волнам!

Хоть всю землю шагами выстели,
Хоть допрашивая всех и каждого,
С чем рифмуется слово „истина“,
Не узнать ни поэтам, ни гражданам!

...По морям — по волнам,
По морям — по волнам,
Виноваты во всем биндюжники!

2. ГУСАРСКАЯ ПЕСНЯ

По рисунку палешанина
Кто-то выткал на ковре
Александра Полежаева
В черной бурке на коне!
Тезка мой и зависть тайная,
Сердце горем горячи!
Зависть тайная, „летальная“,
Как сказали бы врачи!

Славно, братцы,
Славно, братцы,
Славно, братцы-егеря!
Славно, братцы-егеря!
Рать любимая царя!
Ах, кивера да ментики,
Ах, соколы-орлы!
Кому вы в сердце метили,
Лепажевы стволы?
...Не мне ль вы в сердце метили,
Лепажевы стволы?!

А беда явилась за полночь,
Но не пулею в висок,
Просто — в путь, в ночную заволочь
Важно тронулся возок.
И не спеть, не выпить водочки,
Не держать в руке бокал.
Едут двое — сам в середочке,
Два жандарма по бокам!

Славно, братцы,
Славно, братцы,

Славно, братцы-егеря!
Славно, братцы-егеря,
Рать любимая царя!
Ах, кивера да ментики,
Пора бы выйти в знать!
Но этой арифметики
Поэтам не узнать!
...Ни прошлым и ни будущим
Поэтам не узнать!

Где ж друзья твои, ровесники?
Некому тебя спасти!
Началось все дело с песенки,
А потом — пошла писать!
И по мукам, как по лезвию...
Размышляй теперь о том —
То ли броситься в поэзию,
То ли сразу в желтый дом?!

Славно, братцы,
Славно, братцы,
Славно, братцы-егеря!
Славно, братцы-егеря,
Рать любимая царя!
Ах, кивера да ментики,
Возвышенная речь!
А все-таки наветики
Страшнее, чем картечь!
...Доносы и наветики
Страшнее, чем картечь!

По рисунку палешанина
Кто-то выткал на ковре
Александра Полежаева
В черной бурке на коне!
Но оставь, художник, вымысел,
Нас в герои не крои!
Нам не зная жребий вывесил —
Носовой платок в крови!

Славно, братцы,
Славно, братцы,

Славно, братцы-егеря!
Славно, братцы-егеря,
Рать любимая царя!
Ах, кивера да ментики,
Нерукотворный стяг!
И дело тут не в метрике,
Столетие — пустяк!
...Столетие, столетие,
Столетие — пустяк!..

3. ЦЫГАНСКАЯ ПЕСНЯ

Повстречала девчонка бога,
Бог пил мертвую в монопольке...
Ну, а много ль от бога прока
В чертовне и в чаду попойки?!

Ах, как пілось к полночи,
Как в башке гудело,
Как цыгане-сволочи
Пели „Кон а вэло“:
— Ая, да кон авэло,
Гран традэло,
Ая, да ё рысако,
Палал пхэлэло!..

А девчонка сидела с богом,
И богу фасом, а к прочим — боком.
Ея домой бы бежать к папане,
А она чокается шампанью!

Ах, елочки-мочалочки,
Сладко вина пьются
В серебряной чарочке,
На золóтом блюще!
Кому чару пить?
Кому здраву быть?
Но-ро-ле-вичу
Алек-сан-дро-вичу!

С самоваров — к чертям! — полуда,
Чад летал над столами сотью,
А в четвертом часу, под утро,
Бог последнюю кинул сотню!

Бога, пьяного в дугу,
Все теперь цукали.
А цыгане ни гу-гу,
Разбрелись цыгане.
И друзья, допив до дна,
Скатертью дорога!
Лишь девчонка та одна
Не бросала бога!

А девчонка эта с Охты,
И глаза у ней цвета охры,
Ждет маманя свою кровинку,
А она с богом сидит в обнимку!

И надменный половой
Шваркал мокрой тряпкой.
Бог с поникшей головой
Горбил плечи зябко.

И просил у цыган: полслова,
Хоть немножечко, хоть чуть слышно!
А в ответ ему — жбан рассола,
Понимая, мол, что время вышло!

Вместо водочки — вода,
Вместо пива — пена...
И девчоночка тогда
Тоненько запела:
—Ая, да кон а взло,
Гран традэло,
Ая, да ё рысако,
Палал пхэлэло!..

Ах, как пела девчонка богу
И про поле, и про дорогу,
И про сумерки, и про зори,
И про милых, ушедших в море!
Ах, как пела девчонка богу,
Ах, как пела девчонка Блоку...
И не знала она, не знала,
Что бессмертной в то утро стала!
Этот тоненький голос в трактирном чаду
Будет вечно звенеть в „Соловьином саду“!

4. РОМАНС

Памяти А. Н. Вертинского

...И вновь эти вечные трое
Играют в преступную страсть.
И вновь эти греки из Трои
Стремятся Елену украсть!

А сердце сжимается больно,
Виски малярийно мокры —
От этой игры треугольной,
Безвыигрышной этой игры!

Развей мою смуту — жалейкой,
Где скрыты лады под короя,
И споя — как под старой шинелью
Лежал сероглазый король.

В беспамятстве дедовских кресел
Глаза я закрою — и вот
Из рыжей Бразилии крейсер
В кисейную гавань плывет.

А гавань созвездия множит,
А тучи летучей грядой...
Но век не вмешаться не может,
А норы у века крутой!

Он судьбы смешает, как фанты,
Ему ералаш по душе.
И вот он враля-лейтенанта
Назначит морским атташе.

На карте истории — некто
Возникнет, подобный мазку.
И правнук лилового негра
За займом приедет в Москву.

И все ему даст непременно
Тот некто, который — никто!
И тихая пани Ирена
Наденет на негра пальто!

И так этот мир разутюжен,
Что черта ли нам на рожон?!
Нам ужин прощальный — не ужин,
А сто пятьдесят под боржом!

А трое? Ну, что же, что трое,
Им равное право дано!
А Троя? Разрушена Троя!
И это известно давно!

Все предано праху и тлену,
Ни дат не осталось, ни вех.
А нашу Елену, Елену —
Не греки украли, а век!

5. ПЕСНЯ ПРО ОСТРОВА

Говорят, что где-то есть острова,
Где растёт на берегу забудь-трава,
Забудь о гордости,
Забудь про горести,
Забудь о подлости,
Забудь про хворости!

Вот какие есть на свете острова!

Говорят, что где-то есть острова,
Где с похмелья не болит голова,
А сколько есть вина —
Пей все без просыпу!
А после по морю
Ходи, как посуху!

Вот какие есть на свете острова!

Говорят, что где-то есть острова,
Где четыре не всегда дважды два.
Считай хоть дослепу —
Одна испарина!
Лишь то, что по сердцу —
Лишь то и правильно!

Вот какие есть на свете острова!

Говорят, что где-то есть острова,
Где неправда не бывает права!
Где совесть — надобность,
А не солдатчина!
Где правда нажита,
А не назначена!

Вот какие я придумал острова!

6. ПРОЩАНИЕ С ГИТАРОЙ

Подражание Аполлону Григорьеву

Осенняя, простудная,
Печальная пора.
Гитара семиструнная —
Ни пуха, ни пера!
Ты с виду — тонкорунная,
На слух — ворожея,
Подруга семиструнная,
Прелестница моя!
Ах, как ты пела смолоду,
Вся музыка и стать,
Что трудно было голову
С тобой не потерять!

Чибиряк-чибиряк-чибиряшечка,
Как кружилась голова, моя душечка!

Когда ж ты стала каяться —
В преклонные лета —
И стать не та, красавица,
И музыка не та!
Все в говорок — про странствия,
Про ночи у костра...
Была б, мол, только санкция —
Романтики сестра!
Романтика, романтика —
Небесных колеров.
Нехитрая грамматика
Небитых школяров!

Чибиряк-чибиряк-чибиряшечка,
И не совестно ль тебе, моя душечка?!

И вот как дождь по луночке,
Который год подряд,
Все на одной на струночке,
А шесть других молчат!
И лишь затем, без просыпу,
Разыгрываешь страсть,
Что, может, та — курносая —
„Послушает и даст!“
Так и живешь, бездумная,
В приятности примет.
Гитара однострунная —
Полезный инструмент!

Чибиряк-чибиряк-чибиряшечка,
Ах, как скучно мне с тобой, моя душечка!

Плевать, что стала курвою,
Что стать — под стать блядам,
Зато — номенклатурная,
Зато — нужна людям!
А что души касается —
Про то забыть пора!
Ну что ж, прощай, красавица,
Ни пуха, ни пера!

Чибиряк-чибиряк-чибиряшечка,
Что ж, ни пуха, ни пера, моя душечка!

П О Е З Д

Памяти С. М. Михозлса

Ни гневом, ни порицаньем
Давно уж мы не бряцаем!
Здороваемся с подлецами,
Раскланиваемся с полицаем.
Не рвемся ни в бой, ни в поиск,
Все праведно, все душевно!
Но помни — отходит поезд,
Ты слышишь — уходит поезд
Сегодня и ежедневно!

Ай-яй-яй-яй-яй-яй-яй!
А мы балагурим, а мы куролесим,
Нам недругов лезть — как вода из колодца!
А где-то по рельсам, по рельсам, по рельсам
Колеса, колеса, колеса, колеса!..

Такой у нас нрав спокойный,
Что без никаких стараний
Нам кажется путь окольный —
Кратчайшим из расстояний.
Оплачен страховки полис,
Готовит обед царевна.
Но помни — отходит поезд,
Ты слышишь — уходит поезд
Сегодня и ежедневно!

Ай-яй-яй-яй-яй-яй-яй!
Мы пол отциклируем, мы шторы повесим,
Чтоб нашему раю ни краю, ни сноса.
А где-то по рельсам, по рельсам, по рельсам
Колеса, колеса, колеса, колеса.

От скорости века — в сонности
Живем мы, в живых не значась.
Непротивление совести —
Удобнейшее из чудачеств!
И только порой под сердцем
Кольнет тоскливо и гневно:
Уходит наш поезд в Освенцим,
Наш поезд уходит в Освенцим
Сегодня и ежедневно!

Ая-яя-яя-яя-яя-яя-яя!
А как наши судьбы как будто похожи.
И на́ гору вместе, и вместе с откоса.
Но вечно — по рельсам, по сердцу, по коже
Колеса, колеса, колеса, колеса!..

НЕОКОНЧЕННАЯ ПЕСНЯ

Старики управляют миром,
Суетятся, как злые мыши.
Им — по справке, выданной МИДом,
От семидесяти — и выше.

Откружили в боях и в вальсах,
Отмолили годам продленье...
И в сведенных подагрой пальцах
Держат крепко бразды правленья.

По утрам их терзает кашель,
И поводят глазами шало
Над тарелкою с манной кашей
Президенты земного шара!

Старики управляют миром,
Где обличья — подобны маскам.
Пахнут вёсны — яичным мылом,
Пахнут зимы — камфарным маслом.

В этом мире ни слов, ни сути,
В этом мире ни слез, ни крови.
А уж наши с тобою судьбы
Не играют и вовсе роли!

Им важнее — где рваться минам,
Им важнее — где быть границе!
Старики управляют миром,
Только им по ночам не спится!

А девчонка гуляет с мылом,
А в лесу раскричалась птица!
Старики управляют миром,
Только им по ночам не спится!

А в саду набухает завязь,
А мальчишки трубят: „По ко́ням!“
И острее, чем совесть — зависть
Старикам не дает покоя!

Грозный счет покоренным милям
Отчеркнет пожелтевший ноготь!
Старики управляют миром...
А вот сладить со сном —
не могут!

УХОДЯТ ДРУЗЬЯ

Памяти Ф. Вигдоровой

Сообщения о смерти публикуются
в газетах, как правило, на по-
следней странице. А статьи и
прочее — на первых.

Уходят, уходят, уходят друзья.
Одни — в никуда, а другие — в князя.
В осенние дни и в весенние дни,
Как будто в году воскресенья одни!
Уходят, уходят, уходят,
Уходят мои друзья!

Не спешите сообщить по секрету —
Я не верю вам, не верю, не верю.
Но приносят на рассвете газету,
И газета подтверждает потерю!
Знать бы загодя, кого сторониться,
А кому была улыбка — причастьем!
Есть — уходят на последней странице,
Но которые на первых — те чаще!

Уходят, уходят, уходят друзья.
Наюк — одному, а другому — стезя!
Такой по столетию ветер гудит,
Что косит своих и чужих не щадит.
Уходят, уходят, уходят,
Уходят мои друзья!

Мы мечтали о морях-океанах,
Собирались прямиком на Гавайи.
И как спятивший трубач, спозаранок
Уцелевших я друзей созываю.
Я на ощупь, и на вкус, и по весу
Учиняю им поверку...

Но вскоре
Вновь приносят мне газету-повестку
К отбыванию повинности горя!

Уходят, уходят, уходят друзья,
Уходят, как в ночь эскадрон на рысях!
Им право — не право, им совесть — пустяк.
Одни — наплюют, а другие — простят.
Уходят, уходят, уходят,
Уходят мои друзья!

И когда потеря — громом крушенья
Всю планету полоснула по сердцу,
Не спешите сообщить в утешенье,
Что немало есть потерь по соседству.
Не дарите мне беду, словно сдачу,
Словно сдачу, словно гривенник стертый.
Я ведь все равно по мертвым не плачу —
Я ж не знаю, кто живой, а кто мертвый!

Уходят, уходят, уходят друзья,
Одни — в никуда, а другие в князя.
В осенние дни и в весенние дни,
Как будто в году воскресенья одни.
Уходят, уходят, уходят,
Уходят мои друзья!

ПЕСНЯ ПРО СЧАСТЬЕ

Ты можешь найти на улице копейку
И купить коробок спичек.
Ты можешь найти две копейки
И позвонить кому-нибудь из автомата.
Ну, а если звонить тебе некому,
То зачем тебе две копейки?!
Не покупать же на две копейки
Два коробка спичек!

Можно вообще обойтись без спичек,
А просто прикурить у прохожего
И заговорить с этим прохожим,
И познакомиться с этим прохожим.
И он даст тебе номер своего телефона,
Чтоб ты позвонил ему из автомата...
Но ведь у тебя нет двух копеек!

Так что уж лучше не знакомиться с прохожим,
Лучше просто купить коробок спичек...
Впрочем, и для этого сначала надо
Найти на улице одну копейку!..

ПЕСНЯ ПРО МАЙОРА ЧИСТОВА

Я спросонья вскочил — патлат,
Я проснулся, а сон за мной.
Мне приснилось, что я атлант,
На плечах моих шар земной!

И болит у меня спина,
То мороз по спине, то жар.
И, с устатку пьяней-пьяна,
Я роняю тот самый шар.

И ударившись об Ничто,
Покатился он, как звезда,
Через млечное решето
В бесконечное Никуда!

И так странен был этот сон,
Что ни дочери, ни жене
Не сказал я о том, что он
Этой ночью приснился мне.

Я и сам отогнал ту боль,
Будто наглухо дверь забил.
И часам к десяти ноль-ноль
Я и вовсе тот сон забыл!

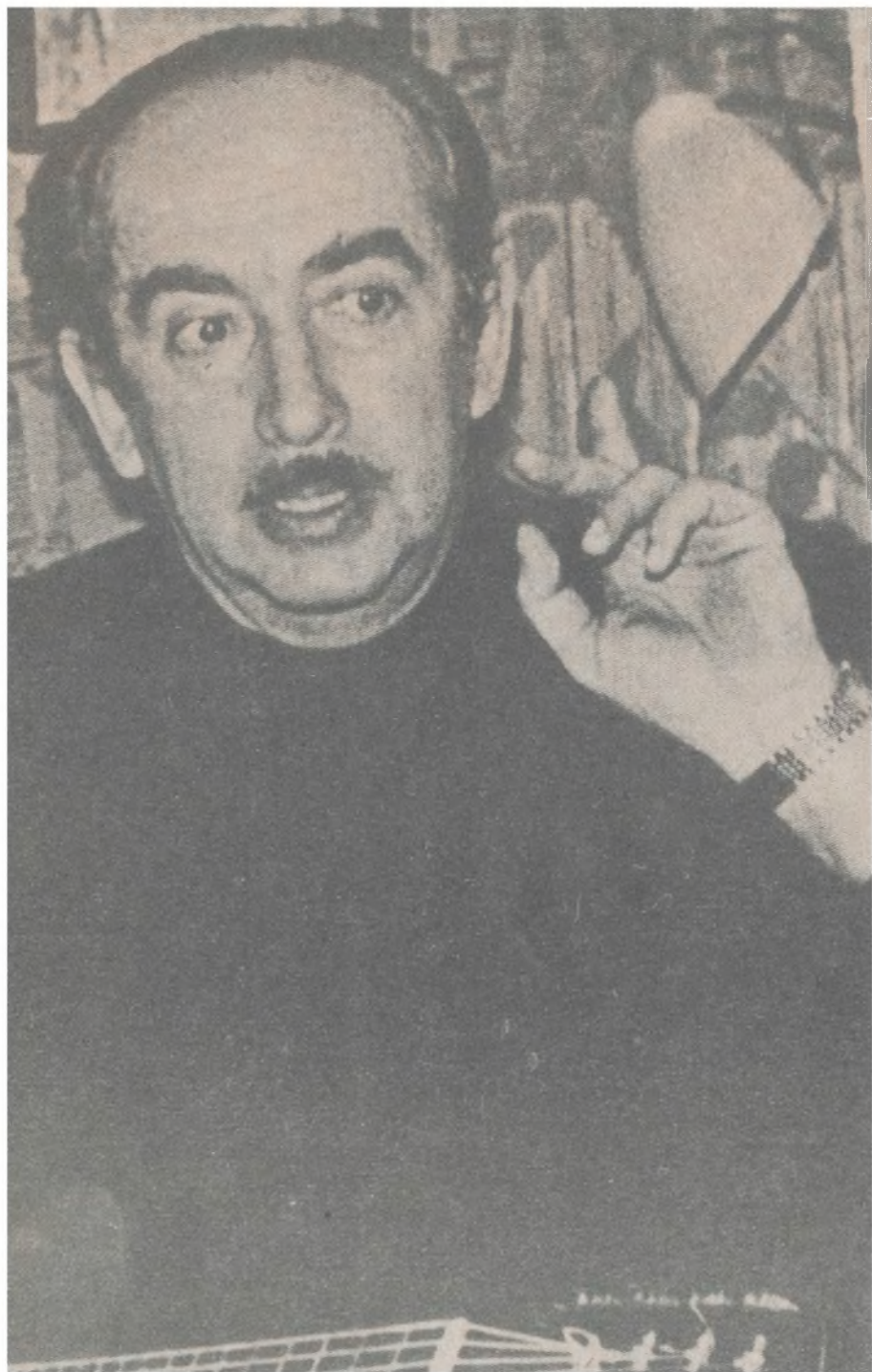
Но в двенадцать ноль-ноль часов
Простучал на одной ноге
На работу майор Чистов,
Что заведует буквой „Г“!

И открыл он мое досье,
И на чистом листе — педант! —
Написал он, что мне во сне
Нынче снилось, что я — атлант!

II. Беглые или,
беглые...

А в Деталикито
моют

1. ПРО ЛЕНОЧКУ И ЭФИОПСКОГО ПРИНЦА

Апрельской ночью Леночка
Стояла на посту.
Красоточка-шатеночка
Стояла на посту.
Прекрасная и гордая,
Заметна за версту,
У выезда из города
Стояла на посту!
    Ах, милые-хорошие,
    Стояла на посту!

Судьба милиционерская —
Ругайся цельный день.
Хоть скромная, хоть дерзкая —
Ругайся цельный день.
Гулять бы ей с подругами
И нюхать бы сирень,
А надо с шоферюгами
Ругаться цельный день!

Итак — стояла Леночка,
Милиции сержант.
Останкинская девочка —
Милиции сержант.
Иной — снимает пеночки,
Любому свой талант,
А Леночка, а Леночка —
Милиции сержант!

Как вдруг она заметила:
Огни летят, огни!
В Москву из Шереметьева
Огни летят, огни.
Ревут сирены зычные,
Прохожий — ни-ни-ни!

На Лену заграничные
Огни летят, огни!

Дает отмашку Леночка,
А ручка не дрожит.
Чуть-чуть дрожит коленочка,
А ручка не дрожит.
Машины, чай, не в шашечку,
Колеса — вжик да вжик!
Дает она отмашечку,
А ручка не дрожит!
    Ах, милые-хорошие,
    А ручка не дрожит!

Как вдруг машина главная
Своя замедляет ход.
Хоть и была исправная,
Но замедляет ход.
Вокруг охрана стеночкой
Из КГБ, но вот —
Машина рядом с Леночкой
Своя замедляет ход.

А в той машине — писанный
Красавец-эфиоп!
Глядит на Лену пристально
Красавец-эфиоп!
И встав с подушки кремовой
(Не промахнуться чтоб!),
Бросает хризантему ей
Красавец-эфиоп!
    Ах, милые-хорошие,
    Красавец-эфиоп!

А утром мчится нарочный
ЦК КПСС!
На мотоцикле марочном
ЦК КПСС!
Он машет Лене шляпою,
Спешит наперерез:
— Пожалте, мол, Эл. Потапова
В ЦК КПСС!

А там, на Старой площади,
Тот самый эфиоп.
Он принимает почести,
Тот самый эфиоп.
Он чинно благодарствует
И трет ладонью лоб,
Поскольку званья царского
Тот самый эфиоп!

Уж свита водки выпила,
А он глядит на дверь!
Сидит с моделью вымпела
И все глядит на дверь!
Все потчуют союзника,
А он сопит, как зверь...
Но тут раздалась музыка
И отворилась дверь!

Вся в тюле и в панбархате
В зал Леночка вошла.
Все прямо так и ахнули,
Когда она вошла!
И сам красавец царственный —
Ахмед-Али-паша,
Воскликнул — вот так здравствуйте! —
Когда она вошла!
Ах, милые-хорошие,
Когда она вошла.

И вскоре нашу Леночку
Узнал весь белый свет!
Останкинскую девочку
Узнал весь белый свет!
Когда, покончив с папою,
Стал шахом принц Ахмед —
Шахию Эл. Потапову
Узнал весь белый свет!
Ах, милые-хорошие,
Узнал весь белый свет!

2. ТОНЕЧКА

...Она вещи собрала,
Сказала тоненько:
— А что ты Тоньку полюбил,
Так бог с ней, с Тонькою!
Тебя ж не Тонька завлекла
Губами мокрыми,
А что у папи у ее
Топтун под окнами!
А что у папи у ее
Дача в Павшине,
А что у папи — холуи
С секретаршами,
А что у папи у ее
Пайки цековские
И по праздникам кино
С Целиковскою!
А что Тонька-то твоя
Сильно страшная —
Ты не слушай меня,
Я — вчерашняя!
И с доскою будешь спать
Со стиральнойю —
За машину за его
Персональную!

Вот чего ты захотел —
И знаешь сам!
Знаешь сам —
Но стесняешься!
Про любовь твердишь,
Про доверие,
Про высокие
Про материи!
А в глазах-то у тебя —
Дача в Павшине,
Холуи да топтуны
С секретаршами,
И как вы смотрите кино
Всею семейкою,

И как счастье на губах
Кара-мель-кою!

...Ах, я живу теперь в дому —
Чаша полная!
Даже брюки у меня
И те — на молнии!
А вино у нас в дому —
Как из кладезя!
А сортир у нас в дому —
Восемь на́ десять!
А папаша приезжает
Сам к полуночи,
Топтуны да холуи
Тут все по струночке!
Я папаше подношу
Двести граммчиков,
Сообщаю анекдот
Про Абрамчиков!
А как спать ложусь в кровать
С дурой, с Тонькою,
Вспоминаю — той, другой,
Голос тоненький!
Ух, характер у нее
Прямо бешеный!
Я звоню ей, а она —
Трубку вешает!

— Отвези ж ты меня, шеф,
В Останкино,
В Останкино,
Где „Титан“ кино!
Там работает она
Билетершею,
На дверях стоит
Вся замерзшая!
Вся замерзшая,
Вся продрогшая,
Но любовь свою
Превозмогшая!
Вся иззябшая,
Вся простывшая,
Но не предавшая
И не простившая!

3. ФАРС-ГИНЬОЛЬ

...Все засранцы, все нахлебники —
Жрут и пьют, и воду месят!
На одни, считая, учебники
Чуть не руп уходит в месяц!
Люська-дура заневестила,
Никакого с нею слада!
А у папеньки-то шестеро —
Обо всех подумать надо!

И того купить, и сего купить!
А на копеечки-то вовсе воду пить,
А сырку к чайку или ливерной —
Тут — двугривенный, там — двугривенный...
А где ж их взять?!

Люське-дурочке все хаханьки,
Все малина ей, калина!
А Никитушка-то, махонький,
Чуть не на́ крик от колита!
Подтянул папаня помочи
И с улыбкой незавидной
Попросил папаня помощи
В кассе помощи взаимной:

— Чтоб и того купить, и сего купить.
А на копеечки-то вовсе воду пить,
А сырку к чайку или ливерной —
Тут — двугривенный, там — двугривенный...
А где ж их взять?!

Попросил папаня слезно и
Ждет решенья — нет покоя!
Совещанье шло серьезное,
И решение — такое:
Подмогнула б тебе касса, но
Наждый рубль — догнать Америку!
Посему тебе отказано,
Но сочувствуем, поелику:

Надо ж и того купить, и сего купить,
А на копеечки-то вовсе воду пить,
А сырку к чайку или ливерной —
Тут — двугривенный, там — двугривенный...
А где ж их взять?!

Вот он запил, как залеченный.
Два разá бил морду Люське.
А в субботу поздно вечером
Он повесился на люстре!
Оя, не надо скорой помощи,
Нам бы медленную помощь!
„Скорый“ врач обрезал помочи
И сказал, что помер в полночь!
Помер смертью незаметною,
Огорчения не вызвал.
Лишь записочку предсмертную
Положил на телевизор,

Что, мол, хотел он и того купить, и сего купить,
А на копеечки-то вовсе воду пить,
А сырку к чайку или ливерной —
Тут — двугривенный, там — двугривенный...
А где ж их взять?!

Песни
о петкодерах

1. ОБЛАКА

Облака плывут, облака.
Не спеша плывут, как в кино.
А я цыпленка ем табака,
Я коньячку принял полкило!

Облака плывут в Абакан,
Не спеша плывут облака...
Им тепло, небось, облакам,
А я продрог насквозь, на века!

Я подковой вмерз в санный след,
В лед, что я кайлом ковырял.
Ведь недаром я двадцать лет
Протрубил по тем лагерям!

До сих пор в глазах — снега наст!
До сих пор в ушах — шмона гам!..
...Эй, подайте ж мне ананас
И коньячку еще двести грамм!

Облака плывут, облака,
В милый край плывут — в Колыму.
И не нужен им адвокат,
Им амнистия ни к чему!

Я и сам живу — первый сорт! —
Двадцать лет, как день, разменяв!
Я в пивной сижу, словно лорд,
И даже зубы есть у меня!

Облака плывут на восход,
Им — ни пенсии, ни хлопот...
А мне четвертого — перевод
И двадцать третьего — перевод!

И по этим дням, как и я,
Полстраны сидит в кабаках!..
И — нашей памятью — в те края
Облака плывут, облака!..

2. ЗАКЛИНАНИЕ

В. Фриду и Ю. Дунскому

... Помилуй мя, Господи,
Помилуй мя!

Получил персональную пенсию,
Завернул на часок в „поплавок“.
Там ракушками пахнет и плесенью,
И в разводах мочи потолок!
И шашлык отрыгается свечкою,
И сулгуни воняет треской...
И сидеть ему лучше б над речкою,
Чем над этой пучиной морской!
Оя, ты море, море, море Черное —
Ты какое-то верчѐное, кручѐное!
Ты ведешь себя не по правилам,
То ты — Каином, а то ты Авелем.

... Помилуй мя, Господи,
Помилуй мя!

И по пляжу, где под вечер пѐ двое —
Брел один он, задумчив и хмур.
Это Черное, вздорное, подлое,
Позволяет себе чересчур!
Волны катятся, чертовы бестии,
Не желают режим понимать.
Если б не был он нынче на пенсии —
Показал бы им Кузькину мать!

Ой, ты море, море, море Черное —
Не подследственное — жаль, не заключенное,
На Инту б тебя свел за дело я —
Ты б из черного стало белое!

...Помилуй мя, Господи,
Помилуй мя!

И в гостинице странную, страшную,
Намечтал он спросонья мечту:
Будто Черное море, под стражею,
По этапу пригнали в Инту!
И блаженней блаженного во Христе,
Раскурив сигарету „Маяк“,
Он глядит, как ребяташки-вохровцы
Загоняют стихию в барак!
Ой, ты море, море, море Черное,
Ты теперь мне по закону поручённое!
А мы обучены, бля, этой химии —
Обращению со стихиями!..

...Помилуй мя, Господи,
Помилуй мя!

И лежал он с блаженной улыбкою,
Даже скулы улыбка свела.
Но, должно быть, последней уликою
Та улыбка для смерти была.
И не встал он — ни утром, ни вечером.
Коридорный сходил за врачом.
Коридорная — Божию свечечку
Над счастливым зажгла палачом.
И шумело море, море, море Черное,
Море вольное, никем не приручённое,
И вело себя не по правилам —
Было Каином, было Авелем!

...Помилуй мя, Господи,
В последний раз!

**3. ПРАВО НА ОТДЫХ, ИЛИ БАЛЛАДА О ТОМ,
КАК Я НАВЕЩАЛ СВОЕГО БРАТА,
НАХОДЯЩЕГОСЯ НА ИЗЛЕЧЕНИИ В ПСИХБОЛЬНИЦЕ,
В БЕЛЫХ СТОЛБАХ**

Первача я взял ноль восемь, взял халвы,
Пару рижского и керченскую сельдь.
И отправился я в Белые Столбы —
На братана да на психов поглядеть!

Ах, у психов жизнь —
Так бы жил любой!
Хочешь — спать ложись,
Хочешь — песни пой.
Предоставлено
Им вроде литера —
Кому от Сталина,
Кому от Гитлера!

А братан уже встречает в проходной,
Он меня за опоздание корит.
Говорит — давай скорее по одной,
Тихий час сейчас у психов, говорит!

Шизофреники
Вяжут веники,
А параноики
Рисуют нолики,
А которые
Просто нервные —
Те спокойным сном
Спят, наверное!

А как приняли по первой первача,
Так брата на прямо бросило в тоску.
Говорит, что он зарежет главврача,
Что он, сука, не пустил его в Москву!

А ему ж в Москву
Не за песнями,
Ему выправить
Надо пенсию.
У него в Москве
Есть законная...
И еще одна есть —
Знакомая!

Мы пивком переложили, съели сельдь,
Закусили это дело косхалвой,
А братан и говорит мне: „Сень, а Сень!
Ты побудь тут за меня денек-другой!“

И по выходке,
И по роже мы —
Завсегда с тобой
Были схожими.
Тебе ж нет в Москве
Вздоха-продыха,
Поживи здесь как
В доме отдыха!..

Тут братан снимает тапки и халат,
Он мне волосы легонько ворошит...
А халат на мне... ну, прямо в анкурат,
Прямо вроде на меня халат пошит!

А братан в пиджак,
Да и к поезду.
А я — булабочкой
Деньги к поясу.
И иду себе
На виду у всех...
А и вправду мне
Отдохнуть не грех!

Тишина на белом свете, тишина!
Я иду и размышляю не спеша:

То ли стать мне президентом США,
То ли взять да и окончить ВПШ!

Ах, у психов жизнь —
Так бы жил любой!
Хочешь — спать ложись,
Хочешь — песни пой.
Предоставлено
Нам вроде литеры,
Ному — от Сталина,
Ному — от Гитлера!

Разноцветные
места

1. ВЕСЕЛЫЙ РАЗГОВОР

... А ей мама, ну, во всем потакала,
Красной Шапочкой звала, пташкой вольной,
Ея какава по утрам два стакана,
А сама чайку попьет — и довольна!
А как маму схоронили в июле,
В доме денег — ни гроша, ни бумаги!
Но нашлись на свете добрые люди —
Обучили на кассиршу в продмаге!

И сидит она в этой кассе,
Как на месте публичной казни!
А касса щелкает,
Касса щелкает,
Скушал Шапочку серый волк!
И трясет она черной челкою!
А касса:
— Щелк, щелк, щелк!
Ах, веселый разговор!

Начал Званцев ей, завмаг, делать пассы:
Интересно, мол, узнать, что за птица?!
А она ему в ответ из-за кассы:
Дожидаю, мол, прекрасного принца!
Всех отшила — одного не отшила,
Называла его „милый Алеша“!
Был он техником по счетным машинам,
Хоть и лысый, и еврей — но хороший!

А тут, как раз, война — а он в запасе,
Прокричала ночь — и снова в кассе!
А касса щелкает,
Касса щелкает,
А под Щелковым
В щепки — полк!..

И трясет она пегой челкою,
А касса:
— Щелк, щелк, щелк!
Ах, веселый разговор!

Как случилось — ей вчера ж было двадцать,
А уж доченьке девятый годочек?!
И опять к ней подъезжать начал Званцев,
А она про то и слушать не хочет!
Ну, и стукнул он — со зла, не иначе!
Сам не рад, да не пойдешь на попятный!
Обнаружили ее в недостатке,
Привлекли ее по сто тридцать пятой!

А на этап пошла по Указу...
А там амнистия — и снова в кассу!
А касса щелкает,
Касса щелкает,
Засекается ваш крючок!
И трясет она рыжей челкою.
А касса:
— Щелк, щелк, щелк!
Ах, веселый разговор!

Уж любила она дочку, растила,
Оглянуться не успела — той двадцать!
Оя, зачем она в продмаг зачастила?!
Оя, зачем ей улыбается Званцев?!
А как свадебку сыграли в июле —
Было шуму на Песчаной на нашей...
Говорят в парадных добрые люди,
Что зовет ее, мол, Званцев мамашей!

И сидит она в своей кассе,
А у ней внучок в первом классе.
А касса щелкает,
Касса щелкает,
Не копеечкам — жизни счет!
И трясет она белой челкою,
А касса:
— Щелк, щелк, щелк!
Ах, веселый разговор!

2. ПЕСНЯ ПРО СИНИЮ ПТИЦУ

— Угостите! — попросил он, подвез-
жая на тележке, и мы сунули ему
кружку пива куда-то вниз.

...Был я глупый тогда и сильный,
Все мечтал я о Птице Синей!
А нашел ее синий след —
Заработал пятнадцать лет!

Было время — за синий цвет
Получали пятнадцать лет!

Не солдатами — номерами
Помирали мы, помирали!
От Караганды по Нарым —
Вся земля, как один нарыв!
Воркута, Инта, Магадан —
Кто вам жребий тот нагадал?!
То вас шмон трясет, а то цинга,
И чуть не треть ээка — из ЦН!

Было время — за красный цвет
Добавляли по десять лет!

А когда пошли миром грозы,
Мужики — на фронт, бабы — в слезы!
В желтом мареве горизонт,
А нас из лагеря, да на фронт!
Севастополь, Курск, город Брест,
Нам слепил глаза желтый блеск!
А как желтый блеск стал белеть,
Стали глазаньки столбенеть!

Ох, сгубил ты нас — желтый свет!
Мы на свет глядим, а света нет!

Покалечены наши жизни,
А может дело все в дальтонизме?!
Может, цвету цвет не чета —
А мы не смыслим в том ни черта!
Так подчаль меня, друг, за столик,
Ты — дальтоник, и я — дальтоник!
Разберемся ж на склоне лет —
За какой мы погibli цвет?!

3. КРАСНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК

...Ой, ну что ж тут говорить, что ж тут спрашивать?
Вот стою я перед вами, словно голенький.
Я с Нинулькой гулял, с тети Пашиной,
И в „Пекин“ ее водил, и в Сокольники!
Поясок ей подарил поролоновый,
И в палату с ней ходил — в Грановитую.
А жена моя, товарищ Парамонова,
В это время находилась за границею!
А вернулась, ей — привет! — анонимочка,
Фотоснимок, а на нем — я да Ниночка!
Просыпаюсь утром — нет моей кисочки,
И ни вещичек ее нет, ни записочки!
Нет, как нет!
Ну, прямо — нет, как нет!
Я к ней в ВЦСПС — в ноги падаю!
Говорю, что все во мне переломано,
Не сердчай, что я гулял с этой падлою,
Ты прости меня, товарищ Парамонова!
А она как закричит (вся стала черная!):
— Я на слезы на твои — ноль внимания!
И ты мне лазаря не пой, я ученая,
Ты людьм все расскажи на собрании!
И кричит она, дрожит
Голос слабенький!
А холуи уж тут как тут —

Наплют капельки!
И Тамарка Шестопал и Ванька Дерганов,
И еще тот референт,
Что из органов!
Тут, как тут!
Ну, прямо — тут, как тут!
В общем — ладно, прихожу на собрание.
А дело было, как сейчас помню, первого.
Я, конечно, бюллетень взял заранее
И бумажку из диспансера нервного!
А Парамонова, гляжу — в новом шарфике.
А как увидела меня — вся стала красная.
У них первый был вопрос: „Свободу Африке!“
А потом уж про меня, в части „разное“.
Ну, как про Гану —
Все в буфет за сардельками.
Я и сам бы взял кило,
Да плохо с деньгами!
А как вызвали меня,
Я сник от робости,
А из зала мне:
— Давай, бля, все подробности!
Все, как есть!
Ну, прямо — все, как есть!
Ой, ну что ж тут говорить,
что ж тут спрашивать?!Вот — стою я перед вами, словно голенький.
Я с племянницей гулял, с тети Пашиной,
И в „Пекин“ ее водил, и в Сокольники!
И в моральном, говорю, моем облике
Есть растленное влияние Запада,
Но живем ведь, говорю, не на облаке,
Это ж только, говорю, соль без запаха!
И на жалость я их брал,
Да испытывал,
И бумажку, что я псих,
Им зачитывал.
Ну, поздравили меня
С воскресением!

Залепили строгача
С занесением!
Ой-ой-ой!
Ну, прямо — ой-ой-ой!
Взял я тут букет цветов покрасивее,
Встал к подъезду номер семь — для начальников...
А Парамонова как вышла — стала синяя,
Села в „Волгу“ без меня и отчалила!
И тогда прямым путем в раздевалку я
И тете Паше говорю — мол, буду вечером?!
А она мне говорит: „С аморалкою
Нам, товарищ дорогой, делать нечего!
И племянница моя,
Нина Саввовна,
Она думает как раз
То же самое!
Она всю свою морковь
Нынче прóдала
И домой, по месту жительства,
Отбыла!“
Вот те на!
Ну прямо — вот те на!
Я иду тогда в райком, шлю записочку:
Мол, прошу принять, по личному делу я!
А у Грошевой как раз моя кисочка,
Как увидела меня — вся стала белая!
И сидим мы у стола с нею рядышком,
И с улыбкой говорит товарищ Грошева:
— Схлопотал он строгача — ну и ладушки,
Помириться вы теперь по-хорошему!
И пошли мы с ней вдвоем,
Как по облаку!
И пришли мы с ней в „Пекин“
Рука óб руку!
Она выпила „Дюрсо“,
А я перцовую —
За советскую семью
Образцовую!
...Вот и все!

Максим
Модерев

1. БОЛЬНИЧНАЯ ЦЫГАНОЧКА

...А начальник все спяну о Сталине,
Все хватает баранку рукой...
А потом нас, конечно, доставили
Санитары в приемный покой!
Сняли брюки с меня и кожаночку,
Все мое покидали в мешок
И прислали Марусю-хожалочку,
Чтоб дала мне живой порошок!
    А я твердил, что я здоров,
    А если ж печки-лавочки,
    То в этом лучшем из миров
    Мне все давно до лампочки!
    Мне все равно, мне все давно
    До лампочки!

Вот лежу я на койке, как чайничек,
Злая смерть надо мною кружит,
А начальничек мой, а начальничек —
Он в отдельной палате лежит!
Ему нянечка шторку повесила,
Создают персональный уют!
Водят к гаду — еврея-профессора,
Передачи из дома дают.

А там икра, а там вино,
И сыр, и печки-лавочки,
А мне больничное говно,
Хоть это и до лампочки!
Хоть все равно мне все давно
До лампочки!

Я с обеда для сестрина мальчика
Граммов сто отолью киселю...
У меня ж ни кола, ни калачика —
Я с начальством харчи не делю!
Я возил его, падлу, на „Чаечке“,
И к Маргошке возил, и в Фили...
Ой вы, добрые люди, начальнички,
Соль и слава родимой земли!
Не то он зав, не то он зам,
Не то он печки-лавочки!
А что мне зам?! Я сам с усам,
И мне чины до лампочки!
Мне все чины до ветчины,
До лампочки!

Надеваю я утром пижамочку,
Выхожу покурить в туалет
И встречаю Марусю-хожалочку:
„Сколько зим, — говорю, — сколько лет?
Доложи, — говорю, — обстановочку!“
А она отвечает не в такт:
„Твой начальничек дал упаковочку,
У него получился инфаркт!“
Во всех больничных корпусах
И шум, и печки-лавочки...
А я стою — темно в глазах
И как-то все до лампочки!
И как-то вдруг мне все вокруг
До лампочки!

Да, конечно, гражданка — гражданочкой,
Но когда воевали, братва,
Мы ж с ним вместе под этой кожаночкой
Ночевали не раз и не два.

И тянули спиртягу из чайника,
Под обстрел — загорали в пути...
Нет, ребята, такого начальника
Мне, наверно, уже не найти!
    Не слезы это, а капель...
    И все! И печки-лавочки!
    И мне теперь, мне все теперь
    Фактически до лампочки...
    Мне все теперь, мне все теперь
    До лампочки!

2. АТОМНОЕ СТОЛЕТИЕ

И. Грековой

В понедельник дело было, к вечеру,
Голова болела прямо адово...
Заявляюсь я в гараж — к диспетчеру,
Говорю, что мне уехать надо бы!

Говорю — давай, путевку выпиши,
Чтоб куда подале да посеверней!
Ты меня не нюхай, я не выпивши,
Это я с тоски такой рассеянный!

Я гулял на свадьбе в воскресенье,
Тыкал вилкой в винегрет, закусывал...
Только я не пил за счастье Ксенино,
Я вообще не пил, а так — присутствовал!

Я не шкалика и не полшкалика,
А сидел, жевал горбушку черного,
Все глядел на Ксенькина очкарика,
Как он строил из себя ученого!..

А я, может, сам из семинарии,
Может, шоферюга я по случаю...
Вижу — даже гости закемарили,
Даже Ксенька, вижу, туча-тучею.

Ну, а он поет, как хор у всенощной,
Все про иксы, игреки да синусы...
А костюмчик — и взглянуть-то не на что! —
Индпошив, фасончик — „на-ка, выкуси!“

И живет-то он не в Дубне атомной,
А в НИИ каком-то, под Каширою...
Врет, что он там шеф над автоматною
Электронно-счетною машиною!

Дескать, он прикажет ей — помножь-ка мне
Двадцать пять на десять с одной сотою!
И сидит потом, болтает ножками,
Сам сачкует, а она работает!

А она работает без ропота,
Огоньки на пульте обтекаемом...
Ну, а нам-то, нам-то среди роботов,
Нам что делать, людям неприкаянным?!

В общем, слушал я, как замороженный,
А потом меня как чтой-то подняло,
Встал, сказал:

— За счастье новорожденной!
Может, кто не понял, Ксения поняла!

И ушел я — не было двенадцати,
Хлопнул дверью — празднуйте, соколики,
И в какой-то вроде бы прострации
Я дошел до станции Сокольники!

В автомат пятак засунул молча я,
Будто бы в копилку — на часовенку.
Ну, а он залязгал, сука волчая,
И порвал штаны мне — снизу доверху!

...Дальше я не помню! Дальше — кончики!
Плакал я и бил его ботинкою...
Шухера свистели в колокольчики,
Граждане смеялись над картинкою!

Так, давая, папаша, будь союзником —
До суда поезжу дни последние!
Ох, обрыдла мне вся эта музыка,
Это автоматное столетие!..

На научные
темы

1. О МАЛЯРАХ, ИСТОПНИКЕ И ТЕОРИИ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ

... Чувствуем с напарником — ну и ну!
Ноги прямо ватные, все в дыму!
Чувствуем — нуждаемся в отдыхе,
Что-то нехорошее в воздухе!
Взяли жигулевского и дубняка,
Третьим пригласили истопника,
Приняли, добавили еще разá,
Тут нам истопник и открыл глаза
    На ужасную историю
    Про Москву и про Париж,
    Как наши физики проспорили
    Ихним физикам пари!

Все теперь на шарике вкось и вскочь,
Шиворот-навыворот, набекрень.
И что мы с вами думаем день — ночь!
А что мы с вами думаем ночь — день!
И рубают финики лопари,
А в Сахаре снега — невпроворот!
Это гады-физики на пари
Раскрутили шарик наоборот!
    И там где полюс был — там тропики,
    А где Нью-Йорк — Нахичевань.
    А что мы люди, а не бобики,
    Им на это начихать!

Рассказал нам все это истопник,
Вижу — мой напарник ну прямо сник!
Раз такое дело — гори огнем! —
Больше мы малярничать не пойдём!
Взяли в поликлинике бюллетень,
Нам башку работою не морочь!
И что тут за работа, если ночью — день,
А потом обратно, не день, а ночь?!
    И при всёй квалификации
    Тут возможен перекоc.
    Это всё ж таки радиация,
    А не просто купорос!

Пятую неделю я не сплю с женой,
Пятую неделю я хожу больной.
Тоже и напарник мой плачется:
Дескать, он отравленный начисто!
И лечусь „Столичною“ лично я,
Чтобы мне с ума не стронуться!
Истопник сказал, что „Столичная“
Очень хороша от стронция!
    И то я верю, а то не верится,
    Что минует та беда!..
    А шарик вертится и вертится,
    И все время — не туда!
Не туда!..

**2. Я ПРИНИМАЮ УЧАСТИЕ В НАУЧНОМ СПОРЕ
МЕЖДУ ДОКТОРОМ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК,
ПРОФЕССОРОМ БЯЛИКОМ И
ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ ЧЛЕНОМ АКАДЕМИИ НАУК
СССР СОБОЛЕВЫМ ПО ВОПРОСУ О ТОМ:
„МОЖЕТ ЛИ МАШИНА МЫСЛИТЬ?..“**

... Я не чикался на курсах, не зубрил сопромат,
Я вполне в научном мире личность лишняя!

... Но вот что я усек:

Газированной водою торговал автомат,
За копейку — без сиропа, за три с вишнею.

И с такой торговал вольностью,

Что за час его весь выпили.

Стаканы́ наливал полностью,

А людя́м никакой прибыли!

А людя́м никакой выгоды,

Ни на зуб с дуплом компенсации!..

Стали люди искать выхода

Из безвыходной ситуации!

Стали думать тут ребята — кто в беде виноват?

Где в конструкции ошибка, в чем неправильность?

Разобрали тут ребята весь как есть автомат,

Разобрали, устранили в нем неправедность.

А теперь крутись — а то выпорем!

Станешь, сука, тогда умною!

Приспособим тебя к выборам —

Будешь в елках стоять урною!

Ты кончай, автомат, школьничать,

Ты кончай, автомат, умничать —

Мы отучим тебя вольничать,

Мы научим тебя жульничать!

Он повкальвал недельку — с ним обратно беда! —
Весь затрясся он, как заяц под стужею.
Не поймешь, чего он каплет — не сироп, не вода,
Может — краска, может — смазка, может — хужее!

И стоит — на всех шавкой злобится,

То он плачет, то матюкается...

Это люди — те приспособятся!

А машина — та засекается!

Так и стал автомат шизиком,

Всех пугает своим видиком!

Ничего не понять физикам,

Не понять ничего лирикам!

Так давайте ж друг у друга не воруйте идеи,

Не валите друг на друга свои горести!

... И вот чего я скажу:

— Может, станут автоматы не глупее людей,

Только очень это будет невскорости!

3. БАЛЛАДА О ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

Призрак бродит по Европе...

Я научность марксистскую пестовал,
Даже точками в строчке не брезговал!
Запятым по пятам, а не дуриком
Изучал „Капитал“ с „Анти-Дюрингом“.
Не стесняясь мужским своим признаком,
Наряжался на праздники „Призраком“
И повсюду — где устно, где письменно,
Утверждал я, что все это истина!
    От сих до сих, от сих до сих,
    От сих до сих!
    И пусть я псих, а кто не псих?!
    А вы — не псих?!.

А недавно случилась история —
Я купил радиолу „Эстония“,
И в свободный часок на полчаса
Я прилег позабавиться классикой!
Ну, гремела та самая опера,
Ну, Кармен свою бросила опера,
А когда откричал Эскамилиё,
Вдруг своё я услышал фамилиё!
    Ну, черт-те что, ну черт-те что,
    Ну, черт-те что!
    Кому — смешно, мне не смешно...
    А вам — смешно?!.

Гражданин, мол, такая-то и далее,
Померла у вас тетя в Фингалии,
И по делу той тети Калерии
Ожидают вас в Инюрколлегии!
Ох, и вскинулся я — прямо на дыбы,
Ох, не надо бы вслух, ох, не надо бы!
Больно тема какая-то склизкая,
Не марксистская, ох, не марксистская!

Ну, прямо срам, ну, прямо срам,
Ну, стыд и срам!
А я-то сам почти что зам...
А вы — не зам?!

Ну, промаялся ночь, как в холере я —
Подвела меня лярва Калерия!
Ну, жена тоже плачет, печалится —
Культ не культ, а чего не случается!
Ну, бельишко в портфель, щетка, мыльница —
Если сразу возьмут, чтоб не мыкаться!
Ну, являюсь, дрожу аж по потрохи,
А они меня чуть что не под руки!
И смех и шум, и смех и шум,
И смех и шум!
А я стою и ни бум-бум...
А вы — бум-бум?!.

Первым делом у нас совещание,
Зачитали мне вслух завещание:
Мол, такая-то, имя и отчество,
Все по правилам, все честью пó чести,
Завещаю, мол, землю и фабрику
Не супругу — засранцу и бабнику,
А родной мой племянник Володечка
Пусть владеет всем тем на здоровычко!
Вот это — да, вот это — да,
Вот это — да!
Выходит так, что мне туда...
А вам — куда?..

Ну, являюсь на службу я в пятницу,
Посылаю начальство я в задницу!
Мол, привет, по добру — по покойненьку,
Ваши сто мне — как насморк покойнику!
Пью в субботу я, пью в воскресенье,
Чуть поплю и опять в окосение,
Пью за родину и за не родину,
И за вечную память за тетину!
Ну, пью и пью, а после счет,
А после счет!

А мне б не счет, а мне б еще...
А вам — еще?

В общем, я за усопшую тетеньку
Пропил с книжки последнюю сотенку!
А как встал, так друзья мои, бражники,
Прямо все, как один, за бумажники:
— Дорогой ты наш, бархатный, саржевый,
Ты не брезговая, Вова, одалживай!
Мол, сочтемся когда-нибудь дружбою,
Мол, пришлешь нам, что будет ненужное!
Ну, если так, то гран мерси,
То гран мерси!
А я за это всем джерси...
И вам — джерси!

Наодалживал, в общем, до тыщи я,
Я отдам, слава богу — не нищий я.
А уж с тыщей-то рад расстараться я —
И пошла ходуном ресторация!
С контрабаса — на галстук — басовую,
Не „Столичную“ пьем, а „Особую“!
И какие-то две с перманентиком
Все назвать норовят меня — Эдиком!
Гуляем день, гуляем ночь
И снова ночь!
И я не прочь, и все не прочь...
И вы не прочь!

С воскресенья и до воскресения
Шло у нас вот такое веселие!
А прочухался чуть к понедельнику —
Сел глядеть передачу по телику.
Сообщает мне дикторша новости
Про успехи в космической области,
А потом...

...Передаем сообщения из-за границы. Революция в Фингалии. Первый декрет народной власти — о полной национализации всех земель, фабрик, железных дорог и прочих промышленных предприятий. Народы Советского Союза приветствуют и поздравляют братский народ Фингалии со славной победой!..

Я гляжу на экран, как на рвотное:
То есть, как это так — все народное?!
Это ж наше — кричу — с тетей Калею,
Я ж за этим собрался в Фингалию!
Негодяи, бандиты, нахалы вы!
Это все — я кричу — штучки Карловы!
... Ох, нет на свете печальнее повести,
Чем об этой прибавочной стоимости!
    А я ж ее от сих до сих,
    От сих до сих!
    И вот теперь я полный псих...
    А кто не псих?!.

КОМПОЗИЦИЯ НОМЕР 27. ИЛИ ТРОЛЛЕЙБУСНАЯ АБСТРАКЦИЯ

И. Грековой

- Он не то чтобы достиг — он подлез.
- Он им в ЦУМе пылесос и палас...
- А она ему — подлец ты, подлец!
- И как раз у них годичный баланс...
    А на дворе то дождь, то снег,
    То дождь, то снег — то плач, то смех.
    И чей забой — того казна.
    А кто в любовь, а кто в „козла“,
    „Пользуйтесь услугами Аэрофлота,
    Экономьте время“ и тра-ля-ля!..
- В общежитии замок на двери.
- В нос шибает то пивком, то потком.
- Отвори, — она кричит, — отвори!
- Тут его и цап-царап на партком!..
    А на дворе то смех, то снег,
    Сперва чуть-чуть, а там и вверх!
    Кому во Львов, кому в Казань,
    А кто в любовь, а кто в „козла“!
    „Покупайте к завтраку рыбные палочки,
    Вкусно и питательно. и тра-ля-ля!..
- Говорят — уже не первый сигнал...
- Он им в чай и намешай нембутал!
- А им, к празднику, давали сига...
- По-советски ж, а не как-нибудь там!
    А на дворе то дождь, то снег,
    И тот же смех — один на всех!
    И словно бой гремит гроза,
    А кто в любовь, а кто в „козла“.
    „Граждане, подписку на газеты и журналы
    Формляйте вовремя!“ и тра-ля-ля!..

- В общем, вышло у него так на так!
- А она опять: подлец ты, подлец!
- Обождите, не бросайте пятак!
- Ну, поставили на вид и конец!
А на дворе то смех, то снег,
Все тот же смех и тот же снег.
И не беда, что тот же снег,
А вот беда — все тот же век!
„Предъявляйте пропуск в развернутом виде
При входе и выходе“ и тра-ля-ля!..

КОМАНДИРОВОЧНАЯ ПАСТОРАЛЬ

То ли шлюха ты, то ли странница!
Вроде — хочется, только — колется.
Что-то сбудется? Что-то станется?
Чем душа твоя успокоится?
А то и станется — что подкинется.
Будут волосы все распатланы...
Общежития да гостиницы —
Вот дворцы твои Клеопатровы!
Сядь, не бояся — выпьем водочки!
Чай, живая — не покойница.
Коньячок?! Четыре звездочки!
Коньячок — от тоже колется!

Гитарист пошел тренди-брендями,
Саксофон хрипит, как удушенный!
Все, что думалось — стало бреднями,
Обманул Христос новоявленный!
Спой, гитара, нам про страдания,
Про глаза нам спой и про пальцы...
Будто есть страна — Пасторалия,
Будто мы с тобой — пасторальцы!
Под столом нарежем сальца,
И плевать на всех — на тутошних!
Балычок?! Прости, кусается!
Никаких не хватит суточных!

Расскажи ж ты мне, белка белая,
Чем ты, глупая, озабочена?!
Что ты делала, где ты бегала,
Отчего в глазах червоточина?!

Туфли-лодочки на полу-то чьи?
Чья на креслице юбка черная?
Наш роман с тобой — до полуночи,
Нурва здешняя коридорная!
    Влипнешь в данной ситуации
    И пыли потом, как конница!
    Мне — к семи, тебе — к двенадцати!
    Очень рад был познакомиться!

До свидания, до свидания!
Будьте ж счастливы — и так далее...
А хотелось нам, чтоб страдание,
А хотелось, чтоб — Пасторалия!
Но, видно, здорово мы усталые,
От анкет у нас в кляксах пальцы...
Мы живем в стране — Постоялии,
Называемся — постояльцы!

ВСЕ НЕ ВОВРЕМЯ
(лагерная песня)

В. Шаламову

Ой, ты стучи, стучи — а тебе Бог простит!
А начальники тебе, Лёха, срок скосят!..
Над Окой сейчас, небось, коростель свистит,
А у нас на Тайшете ветра свистят.
Месяц май уже, а всё снега белы,
А вертухаевы на снегу следы...
А что полнормы, тьфу, это полбеды,
А вот, что песню спел — полторы беды!

Над Окой летят гуси-лебеди,
За Окой свистит коростель!
А тут по наледи курвы-нёлюди
Двух зэка ведут на расстрел!

А первóй зэка — он в Севастополе —
Он там, черт чудной, Херсонес копал!
Он копал, чумак, что не попадя,
И на полный срок в лагеря попал!
И жену его, и сынка его,
И старуху мать, чтоб молчала, блядь,
Чтобы знали все, что закаяно
Нашу Родину сподниза копать!

А в Крыму теплынь, в море сельди,
И миндаль, небось, подоспел!
А тут по наледи курвы-нёлюди
Двух зэка ведут на расстрел!

А второй зэка — это лично я,
Я без мамы жил и без папы жил.
Моя б жизнь была преотличная,
Да я в шухере стукаря пришил!
Мне сперва вышка, а я — в раскаянье,
А уж в лагере — корешей в навал!
И на кой я пес при Лёхе-Каине
Чумаку подпел „Интернационал“?!

В караулке пьют с рафинадом чай,
А вертухай идет — весь сопрел.
Ему скучно, чай, и несподручно, чай,
Нас в обед вести на расстрел!..

Послесловие

МЫ НЕ ХУЖЕ ГОРАЦИЯ

Вы такие нестерпимо ражие
И такие, в сущности, примерные.
Все томят вас бури вернисажные,
Все шатают паводки премьерные!
Бродите, тишайшие, в неистовых,
Феями цензурными заняньканы!..
Ну, а если ни премьер, ни выставок?
Десять метров — комнатка в Останкино!
Где улыбкой стражники-наставники
Не сияют благостно и святочно,
Но стоит картина на подрамнике...
Вот и все!

... А этого достаточно!

Есть — стоит картина на подрамнике,
Этого достаточно!

Осудив и совесть, и бесстрашие,
Вроде — не заложишь и не купишь их,
Ах, как вы присутствуете, ражие,
По карманам рассовавши кукиши!
Что ж, зовите небылицы — былями,
Окликайте стражников по имени!
Бродят между ражими Добрынями
Тунеядцы — Несторы и Пимены!
Их имен с эстрад не рассиропили,
В супер их не кутают облаточный...
„Эрика“ берет четыре копии.
Вот и все!

... А этого достаточно!

Пусть пока всего четыре копии,
Этого достаточно!

Время сеет ветры, мечет молнии,
Создает советы и комиссии...
Что ни день — фанфарное безмолвие
Славит многодумное безмыслие.
Бродит кривда с полосы на полосу,
Делится с соседской кривдой опытом.
Но гремит — напетое вполголоса,
Но гудит — прочитанное шепотом!
Ни партера нет, ни лож, ни яруса,
Клака не безумствует припадочно...
Есть магнитофон системы „Яуза“...
Вот и все!

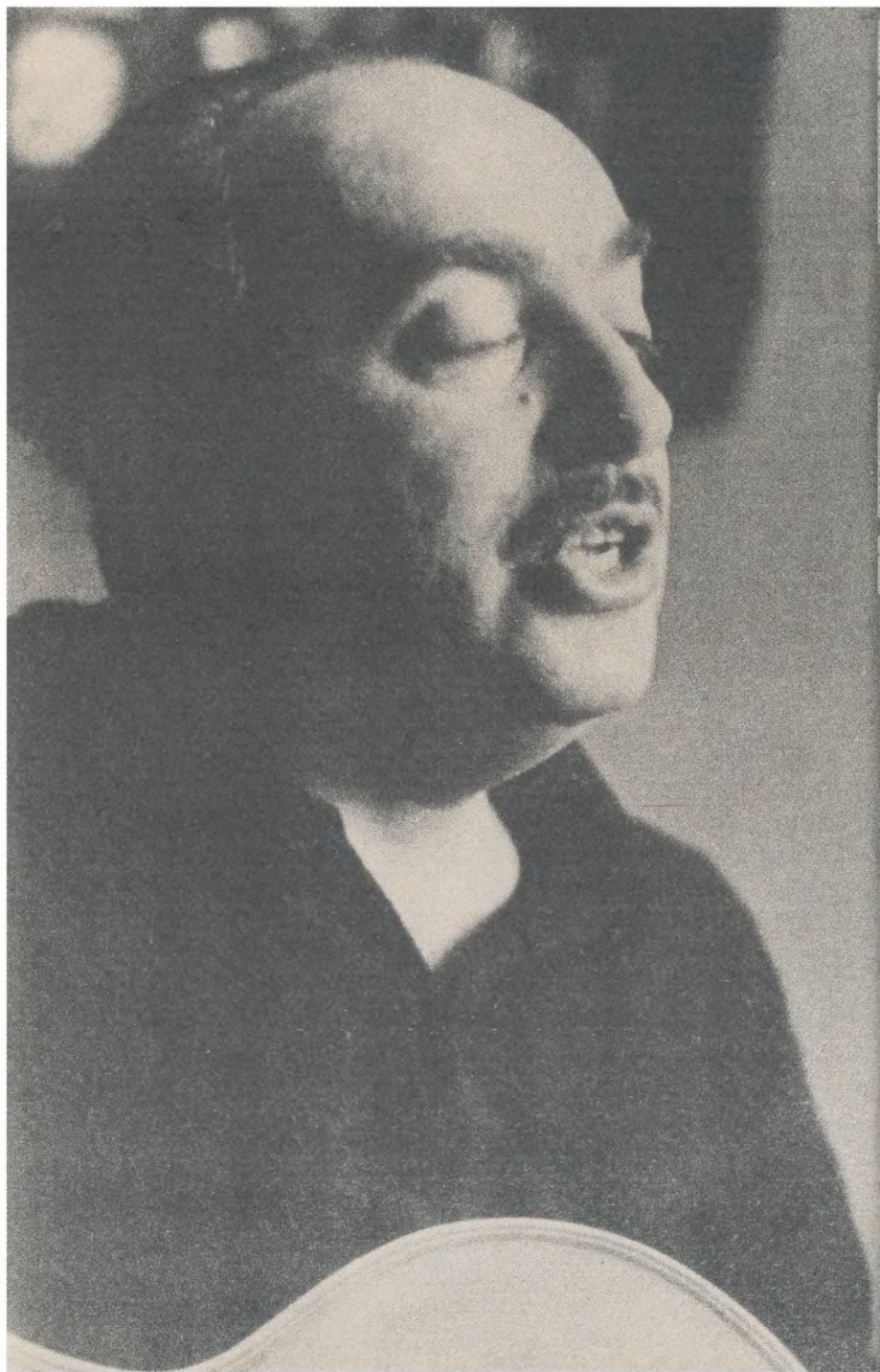
... А этого достаточно!

Есть — стоит картина на подрамнике!
Есть — отстукано четыре копии!
Есть магнитофон системы „Яуза“!
Этого достаточно!

Стихотворения

1967-1977 20906

Балмады

1. БАЛЛАДА О ЧИСТЫХ РУКАХ

Развеян по ветру подмоченный порох,
И мы привыкаем, как деды, точь-в-точь,
Гонять вечера в незатеяливых спорах,
Побасенки слушать и воду толочь.
Когда-то шумели, теперь поутихли,
Под старость любезней — покой и почет...
А то, что опять Ярославна в Путивле
Горюет и плачет, так это не в счет.
Уж мы-то рукав не омочим в Каяле,
Не сунем в ладонь арестантскую хлеб...
Безгрешный холуй, запасайся камнями,
Разучивай загодя праведный гнев!

Недаром из школьной науки
Всего нам милей слова —
Я умываю руки,
Ты умываешь руки,
Он умывает руки —
И хоть не расти трава!
Не высшая математика,
А просто, как дважды два!

Да здравствует — трижды — премудрость холопья,
Премудрость мычать, и жевать, и внимать,
И помнить о том, что народные копыя
Народ никому не позволит ломать.
Над кругом гончарным поет о тачанке
Усердное время, бессмертный гончар.
А танки идут по вацлавской брусчатке
И наш бронепоезд стоит у Градчан!

А песня крепчает: „Взвивайтесь кострами!“
И пепел с золою, куда ни ступи.
Взвиваются ночи кострами в Острове,
В мордовских лесах и в казахской степи.

На севере и на юге —
Над ржавой землею дым,
А я умываю руки!
А ты умываешь руки!
А он умывает руки,
Спасая свой жалкий Рим!
И нечего притворяться —
Мы ведаем, что творим!

2. БАЛЛАДА О ВЕЧНОМ ОГНЕ

Посвящается Льву Копелеву

... Мне рассказывали, что любимая мелодия лагерного начальства в Освенциме, мелодия, под которую отправляли на смерть очередную партию заключенных, была песенка „Тум-балалайка“, которую обычно исполнял оркестр заключенных.

... „Червоны маки на Монте-Кассино“ — песня польского Сопротивления.

... „Неизвестный“, увенчанный славою бранной!
Удалец-молодец или горе-провидец?!
И склоняют колени под гром барабанный
Перед этой загадкой главы правительств!
Нам немymi могилами — воплем! — надгробья...
Но порою надгробья — не суть, а подобья,
Но порой вы не боль, а тщеславье храните —
Золоченые буквы на черном граните!..

Все ли про то спето?
Все ли навек — с болью?
Слышишь, труба в гетто
Мертвых зовет к бою!
Пой же, труба, пой же,
Пой о моей Польше,
Пой о моей маме —
Там, в выгребной яме!..
Тум-бала, тум-бала, тум-балалайка,
Тум-бала, тум-бала, тум-балалайка,
Тум-балалайка, шпилт балалайка,
Рвется и плачет сердце мое!

А купцы приезжают в Познань,
Покупают меха и мыло...
Подождите, пока не поздно,
Не забудьте, как это было!
Как нас черным огнем косило
В той последней слепой атаке...
„Маки, маки на Монте-Кассино“ —
Как мы падали в эти маки!

А на ярмарке — все красиво,
И шуршат то рубли, то марки...
„Маки, маки на Монте-Кассино“ —
Ах, как вы почернели, маки!

Но зовет труба в рукопашный,
И приказывает — воюйте!
Пой же, пой нам о самой страшной,
Самой твердой в мире валюте!..
Тум-бала, тум-бала, тум-балалайка,
Тум-бала, тум-бала, тум-балалайка,
Тум-балалайка, шпилт балалайка,
Рвется и плачет сердце мое!
Помнишь, как шел ошалелый паяц
Перед шеренгой на апельплац,
Тум-балалайка, шпилт балалайка,
В газовой камере — мертвые в пляс...

А вот еще:
В мазурочке
То шагом, то ползком,
Отправились два урочки
В поход за „языком“!
В мазурочке, в мазурочке
Нафабрены усы,
Затикали в подсумочке
Трофейные часы!
Мы пьем-гуляем в Познани
Три ночи и три дня...
Ушел он неопознанный,
Засек патруль меня!
Оя, зори бирюзовые,
Закаты — анилины!
Пошли мои кирзовые
На город на Берлин!
Грома гремят басовые
На линии огня,
Идут мои кирзовые,
Да только без меня!..
Там у речной излучины
Зеленая кровать,
Где спит солдат обученный,
Обстрелянный, обученный
Стрелять и убивать!

Среди пути прохожего —
Последний мой постой,
Лишь нету, как положено,
Дощечки со звездой.

Ты не печалься, мама рѳдная,
Ты спи спокойно, почивай,
Прости-прощай, разведка ротная,
Товарищ Сталин, прощевай!
Ты не кручинься, мама рѳдная,
Как говорят, судьба слепа,
И может статься, что народная
Не зарастет ко мне тропа...

А еще:

Где бродили по зоне казры,
Где под снегом искали гнилые корни,
Перед этой землей — никакие премьеры,
Подтянувши штаны, не преклонят колени!
Над сибирской Окою, над Намой, над Обью
Ни венков, ни знамен не положат к надгробью!
Лишь, как вечный огонь, как нетленная слава —
Штабеля! Штабеля! Штабеля лесосплава!

Позже, друзья, позже,
Кончим навек с болью,
Пой же, труба, пой же!
Пой и зови к бою!
Медною всей плотью
Пой про мою Потьму!
Пой о моем брате —
Там, в ледяной пади!..
... Пой, труба, не чуди коленцами,
Пой, труба, чтобы сила крепла,
И чтоб встали мы, как в Освенциме,
Взявшись за руки — среди пепла.
Ах, как зовет эта горькая медь
Встать, чтобы драться, встать, чтобы сметь!
Тум-балалайка, шпилт балалайка —
Песня, с которой шли мы на смерть!
Тум-бала, тум-бала, тум-балалайка,
Тум-бала, тум-бала, тум-балалайка,
Тум-балалайка, шпилт балалайка,
Рвется и плачет сердце мое!

31 декабря 1968, г. Дубна

3. БАЛЛАДА

о том, как едва не сошел с ума директор
антикварного магазина № 22 Копылов Н.А.,
рассказанная им самим доктору Беленькому Я.И.

... Допекла меня все же Тонечка,
Гарнитур купил ей ореховый!
Я ж не брал сперва — ни вот столечка!
А уж как начал, так поехало!
Как пошла молоть прорва адова —
Где по сотенке, где по камушку,
Намолола мне дачку в Кратове,
Намолола мне „Волгу“-матушку!
Деньги-денежки, деньги-катыши,
Вы и слуги нам, и начальники...
А у нас товар деликатнейший —
Не стандарт какой — чашки-чайники!
Чашки-чайники, фрукты-овощи!
Там кто хошь возьмет, хоть беспомощный!
Хоть беспомощный!

А у нас товар — на любителя,
Павлы разные да Людовики,
А любителю — чем побитее,
Самый смак ему, что не новенький!
И ни-ни, чтоб по недомыслию
Спутать Францию или Швецию...
А недавно к нам на комиссию
Принесло одну старушенцию.
И в руках у ней — не хрусталина,
Не фарфоровые бонбончики,
А пластиночки с речью Сталина,
Ровно десять штук — и все в альбомчике.

А я стреляный, а я с опытом!
А я враз понял — пропал пропадом!
Пропал пропадом!

Тем речам цена — ровно тридцать „рэ“!
(И принес же черт сучку-пташечку!)
Ну, какой мне смысл на такой муре
Наблюдать посла небо в шашечку?!
Вот и вникните в данный факт, друзья,
(На добре ж сижу, не на ветоши!)
Мне и взять нельзя, и не взять нельзя —
То ли гений он, а то ли нет еще?!
Тут и в прессе есть расхождения,
И вообще идут толки разные...
Вот и вникните в положение
Исключительно безобразное!

Они спорят там, они ссорятся!
Ну, а я решаю, а мне — бессонница!
Мне бессонница!

Я матком в душе, а сам с улыбочкой,
Выбираю слова приличные,
За альбомчик, мол, вам — спасибочко!
Мол, беру его — за наличные!
И даю я ей свои кровные,
Продавцы вокруг удивляются.
Они, может быть, деньги скромные,
Но ведь тоже зря не валяются!
И верчусь весь день, как на вертеле,
Ой, туманится небо светлое,
И хоть верьте мне, хоть не верьте мне,
А начáлось тут несусветное! —

А я стреляный, а я с опытом!
А я враз понял — пропал пропадом!
Пропал пропадом!

Или бабку ту сам засек народ,
Или стукнулась со знакомыми, —
Но с утра ко мне в три хвоста черед —
Все с пластинками, все с альбомами!
И растет, растет гора целая,

И наличность вся — в угасании!
Указание б чье-то ценное!
Так ведь нет его, указания!
В пух и прах пошла дачка в Кратове,
„Волга“-матушка — мое детище!
И гвоздит мне мозг многократное —
То ли гений он, а то ли нет еще?!

„Я маленькая девочка —
Танцую и пою,
Я Сталина не видела,
Но я его люблю!“

А я стреляный, а я с опытом!
А я враз понял — пропал пропадом!
Пропал пропадом!

Но доктор Беленький Я.И. не признал Копылова Н.А.
душевнобольным и не дал ему направления
в психиатрическую клинику...

4. КОРОЛЕВА МАТЕРИКА (лагерная баллада, написанная в бреду)

Когда затихает к утру пурга
И тайга сопит, как сурок,
И еще до подъема часа полтора,
А это немалый срок.
И спят эка, как в последний раз —
Натянул бушлат — и пока,
И вохровцы спят, как в последний раз —
Научились спать у эка.
И начальнички спят, и брови спят,
И лысины, и усы,
И спят сапоги, и собаки спят,
Уткнувши в лапы носы.
И тачки спят, и лопаты спят,
И сосны пьются в тень,
И еще не пора, не пора, не пора
Начинать им доблестный день.
И один лишь „попка“* на вышке торчит,
Но ему не до спящих масс,
Он занят любовью — по младости лет
Свистит и дробит на Марс.
И вот в этот-то час, как глухая дрожь,
Проплывает во мгле тоска,
И тогда просыпается Белая Вошь,
Повелительница эка.
А мы ее называли все —
Королева Материка!
Откуда всевластье ее взялось, —
Пойди расспроси иных,
Но пришла она первой в эти края
И последней оставит их...

---

* „Попка“ — вертухая, часовой.

Когда сложат из тачек и нар костер
И, волчий забыв раздор,
Станут рядом вохровцы и зэка
И напишут в тот костер.
Сперва за себя, а потом за тех,
Кто пьет теперь Божий морс,
Кого шлепнули влет, кто ушел под лед,
Кто в дохлую землю вмерз,
Кого Колыма от аза до аза
Вгоняла в горячий пот.
О, как они ссали б, закрыв глаза,
Как горлица воду пьет!
А потом пропоет неслышно труба,
И расступится рвань и голь,
И Ее Величество Белая Вошь
Подойдет и войдет в огонь,
И взметнутся в небо тысячи искр,
Но не просто, не как-нибудь —
Навсегда крестом над Млечным Путем
Протянется Вшивый Путь!

Говорят, что когда-то, в тридцать седьмом,
В том самом лихом году,
Когда покойников в штабеля
Укладывали на льду,
Когда побрякивала тайга
От доблестного труда,
В тот год к Королеве пришла любовь,
Однажды и навсегда.
Он сам напросился служить в конвой,
Он сам пожелал в Дальлаг,
И ему с Королевой крутить любовь
Ну, просто нельзя никак,
Он в нагрудном мешочке носил чеснок
И деньги, и партбилет,
А она — Королева, а ей плевать —
Хочет он или нет!
И когда его ночью столкнули в клеть
(Зачлись подлецу дела!),
Она до утра на рыжем снегу
Слезы над ним лила,

А утром пришли, чтоб его зарыть,
Смотрят, а тела нет,
И куда он исчез — не узнал никто,
И это — Ее секрет!
А еще говорят, что какой-то хмырь,
Начальничек из Москвы,
Решил объявить Королеве войну,
Пошел, так сказать, „на вы“.
Он гонял на прожарку и в зоне и за,
Он вопил и орал: „Даешь!“
А был бы начальничек чуть поумней,
Он пошел бы с Ней на дележ, —
Чтобы пайку им пополам рубить
И в трубу пополам трубить,
Но начальник умным не может быть,
Потому что — не может быть.
Он надменно верит, что он — не он,
А еще миллион и он,
И каждое слово его — миллион,
И каждый шаг — миллион.
Но когда ты один и ночь за окном
От черной пурги хмельна,
Тогда ты один и тогда беги,
Ибо дело твое — хана!
Тогда тебя не спасет миллион,
Не отобьет конвой!
И всю ночь, говорят, над зоною плыл
Тоскливый и страшный вой...
Его нашли в одном сапоге,
И от страха — рот до ушей,
И на вздувшейся шее тугой петлей
Удавка из белых вшей...
И никто с тех пор не вопит: „Даешь!“
И смеется исподтишка
Ее Величество Белая Вошь,
Повелительница зэка.
Вот тогда-то Ее и прозвали все —
Королева Материка.
Когда-нибудь все, кто придет назад,
И кто не придет назад.

Мы в честь Ее устроим парад,
И это будет парад!
По всей Вселенной (валяя, круши!),
Свой доблестный славя труд,
Ее Величества Белой Вши
Подданные пройдут.
Ее Величества Белой Вши
Данники всех времен.
А это сумеет любой дурак —
По заду втянуть ремнем.
А это сумеет любой дурак —
Палить в безоружных всласть!
Но мы-то знаем, какая власть
Была и взаправду власть!
И пускай нам другие дают срокá,
Ты нам вечный покой даешь,
Ты, Повелительница зэка,
Ваше Величество Белая Вошь!
Наше Величество Белая Вошь!
Королева Материка!

5. ПЕСНЯ-БАЛЛАДА ПРО ГЕНЕРАЛЬСКУЮ ДОЧЬ

М. Фигнер

Он был титулярный советник,
Она генеральская дочь...

Постелилась я, и в печь — уголек...
Накрошила огурцов и мясца,
А он явился, ноги вынул, и лег —
У мадам у его — месяца́.

А он и рад тому, сучок, он и рад,
Скушал водочки, и в сон наповал!..
А там — в России — где-то есть Ленинград,
А в Ленинграде том — Обводный канал.

А там мамонька жила с папонькой,
Называли меня „лапонькой“,
Не считали меня лишнею,
Да им дали обоим высшую!
Ой, Караганда, ты, Караганда!
Ты угольком даешь на-гора года!
Дала двадцать лет, дала тридцать лет,
А что с чужим живу, так своего-то нет!
Кара-ган-да...

А он, сучок, из гулевых шоферов,
Он барыга, и калымщик, и жмот,
Он на торго́вской дает, будь здоров, —
Где за рупь, а где какую прижмет!

Подвозил он меня раз в „Гастроном“,
Даже слова не сказал, как полез,
Я бы в крик, да на стекле ветровом
Он картиночку приклеил, подлец!

А на картиночке — площадь с садиком,
А перед ней камень с „Медным Всадником“,
А тридцать лет назад я с мамой в том саду...
Ой, не хочу про то, а то я выть пойду!

Ой, Караганда, ты, Караганда!
Ты мать и мачеха, для кого когда,
А для меня была так навсегда нежна,
Что я самой себе стала не нужна!
Кара-ган-да!

Он проснулся, закурил „Беломор“,
Взял пинжак, где у него кошелек,
И прошлепал босиком в коридор,
А вернулся — и обратно залег.

Он сопит, а я сижу у огня,
Режу мелко на водку лучок,
А ведь все-таки он жалеет меня,
Все-таки ходит, все-таки дышит, сучок!

А и спи-проспись ты, мое золотце,
А слезы — что ж, от слез хлеб не солится,
А что мадам его крутит мордюю,
Так мне плевать на то, я не гордая...
Ой, Караганда, ты, Караганда!
Если тут горда, так и на кой годна!
Хлеб насущный наш дай нам, Боже, днесь,
А что в России есть, так то не хуже здесь!
Кара-ган-да!

Что-то сон нейдет, был да вышел весь,
А завтра делать дел — прорву адскую!
Завтра с базы нам сельдь должны завезть,
Говорили, что ленинградскую.

Я себе возьму и кой-кому раздам,
Надо ж к празднику подзаправиться!
А пяток сельдей я пошлю мадам,
Пусть покушает, позабавится!

Пусть покушает она, дура жалкая,
Пусть не думает она, что я жадная,
Это, знать, с лучка глазам колется,
Голова на низ чтой-то клонится...
Ой, Караганда, ты, Караганда!
Ты угольком даешь на-гора́ года...
А на картиночке — площадь с садиком,
А перед ней камень...
Ка-ра-ган-да!..

6. БАЛЛАДА О СОЗНАТЕЛЬНОСТИ

Э. И. Канделю

Егор Петрович Мальцев
Хворает, и всерьез:
Уходит жизнь из пальцев,
Уходит из желез,

Из прочих членов тоже
Уходит жизнь его,
И вскорости, похоже,
Не будет ничего.

Когда нагрянет свора
Савеловских родных,
То что же от Егора
Останется для них?

Останется пальтишко,
Подушка, чтобы спать,
И книжка, и сберкнижка
На девять двадцать пять.

И таз, и две кастрюли,
И рваный, подписной,
Просроченный в июле
Единый проездной.

И все, и нет Егора!
Был человек — и нет!
И мы об этом скоро
Узнаем из газет.

Пьют газировку дети
И пончики едят,
Ему ж при диабете —
Все это чистый яд!

Вот спит Егор в постели,
Почти что невесом,
И дышит еле-еле,
И смотрит дивный сон —

В большом красивом зале,
Резону вопреки,
Лежит Егор, а сзади
Знамена и венки,

И алым светом залит
Большой его портрет,
Но сам Егор не знает,
Живой он или нет.

Он смаргивает мошек,
Как смаргивал живой,
Но он вращать не может
При этом головой.

И дух по залу спертый,
Как в общей душевой,
И он скорее мертвый,
Чем все-таки живой.

Но хором над Егором —
Краснознаменный хор
Краснознаменным хором
Поет: „Вставая, Егор!

Вставая, Егор Петрович,
Во всю свою длину,
Давай, Егор Петрович,
Не подводи страну!

Центральная газета
Оповестила свет,
Что больше диабета
В стране советской нет!

Пойми, что с этим, кореш,
Нельзя озорничать,
Пойми, что ты позоришь
Родимую печать!

И сел товарищ Мальцев,
Услышав эту речь,
И жизнь его из пальцев
Не стала больше течь.

Егор трусы стирает,
Он койку застелил,
И тает, тает, тает
В хрови холестерин...

По площади по Трубной
Идет он, милый друг,
И все ему доступно,
Что видит он вокруг!

Доступно кушать сласти
И газировку пить...
Лишь при Советской власти
Такое может быть!

**7. БАЛЛАДА О СТАРИКАХ И СТАРУХАХ,
с которыми я вместе жил и лечился в санатории
областного совета профсоюза
в 110 км от Москвы**

Все завидовали мне: „Эка денег!“
Был загадкой я для старцев и стариц.
Говорили про меня: „Академик!“
Говорили: „Генерал-иностранец!“

О, бессонниц и сновторных отрав! —
Может статься, это вы виноваты,
Что привиделась мне вздорная слава
В полумраке санаторной палаты.

А недуг со мной хитрил поминутно:
То терзал, то отпускал на поруки.
И все было мне так странно и трудно,
А труднее всего — были звуки.

Доминошники стучали в запале,
Привалившись к покарябанной пальме;
Старцы в чесанках с галошами спали
Прямо в холле, как в общественной спальне.

Я неслышно проходил: „Англичанин!“
Я козла не забивал: „Академик!“
И звонки мои в Москву обличали:
„Эка денег у него, эка денег!“

И казалось мне, что вздор этот вечен,
Неподвижен, словно солнце в зените...
И когда я говорил: „Добрый вечер!“ —
Отвечали старики: „Извините“.

И кивали, как глухие глухому,
Улыбались не губами, а краем:
„Мы, мол, вовсе не хотим по-плохому,
Но как надо, извините, не знаем...“

Я твердил им в их мохнатые уши
В перекурах за сортирную дверью:
„Я такой же, как и вы, только хуже!“
И поддакивали старцы, не веря.

И в кино я не ходил: „Ясно, немец!“
И на танцах не бывал: „Академик!“
И в палатке я купил чай и перец:
„Эка денег у него, эка денег!“

Ну, и ладно, и не надо о славе...
Смерть подарит нам бубенчики славы!
И живем мы в этом мире послами
Не имеющей названья державы...

8. Б А Л Л А Д А

**о том, как одна принцесса раз в два месяца
приходила поужинать в ресторан „Динамо“**

... И медленно проядя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна...

А. Блок

Нивал с эстрады ей трубач,
Сипел трубой, как в насморке.
Он и прозвал ее, трепач,
Принцессой с Нижней Масловки.
Он подтянул, трепач, штаны
И выдал румбу с перчиком,
А ей, принцессе, хоть бы хны —
Едва качнула плечиком:
Мол, только пальцем поманю —
Слетятся сотни соколов...
И села, и прочла меню,
И выбрала бефстроганов.

И все бухие пролетарии,
Все тунеядцы и жулье,
Как на комету в планетарии,
Глядели, суки, на нее...

Бабье вокруг, издавши стон,
Пошло махать платочками,
Она ж, как леди Гамильтон,
Пила ситро глоточками.
Бабье вокруг — сплошной собес! —
Воздев, как пики, вилочки,
Рубают водку под супец,
Шампанское под килечки.
И, сталь коронок заголя,
Расправой бредят скорою:
Ах, эту б дочку короля
Шарахнуть бы „Авророю“!

И все бухие пролетарии,
Смирив идейные сердца,
Готовы к праведной баталии
И к штурму Зимнего дворца!

Душнеет в зале, как в метро,
От пергидрольных локонов,
Принцесса выпила ситро
И съела свой бефстроганов,
И вновь тарашится бабьё
На стать ее картинную —
На узком пальце у нее
Кольцо за два с полтиною.
А время подлое течет,
И зал пройдя, как пасеку,
„Шестерка“ ей приносит счет,
И все, и крышка празднику!

А между тем пила и кушала,
Вложив всю душу в сей процесс,
Благополучнейшая шушера,
Не признающая принцесс.

... Держись, держись, держись, держись,
Нрепись и чисти перышки,
Такая жизнь — плохая жизнь —
У современной Золушки!
Не ждет на улице ее
С каретой фея-крестная...
Жует бабьё, сопит бабьё,
Придумывает грозное!
А ей не царство на веку —
Посулы да побасенки,
А там — вались по холодку,
„Принцесса“ с Нижней Масловки!

И вот она идет меж столиков
В своем костюмчике джерси...
Ах, ей далёко до Сокольников,
Ах, ей не хватит на такси!

Коломийцев в полный рост

Истории из жизни Клима Петровича
Коломийцева — мастера цеха, кавалера
многих орденов, члена бюро
парткома и депутата Горсовета

**Избранные отрывки
из выступлений Клима Петровича**

1. ИЗ РЕЧИ НА ВСТРЕЧЕ С ИНТЕЛЛИГЕНЦИЕЙ

... Попробуйте в цехе найти чувака,
Который бы мыслил не то!
Мы мыслим, как наше родное ЦК,
И лично...
Вы знаете — кто!

... И пусть кой-чего не хватает пока,
Мы с Лениным в сердце зато!
И мыслим, как наше родное ЦК,
И лично...
Вы знаете — кто!

... Чтоб нашей победы приблизить срока,
Давайте ж трудиться на то!
Давайте же мыслить, как наше ЦК,
И лично...
Вы знаете — кто!...

2. ИЗ БЕСЕДЫ С ТУРИСТАМИ ИЗ ЗАПАДНОЙ ГЕРМАНИИ

... А уж пыль-то вы пускать мастера!
Мастера вы!
Да не те времена!
Мы на проценты сравним, мистерá,
Так и нет у вас, пардон, ни хрена!..
Потому что все у вас —
Напоказ.
А народ для вас — ничто и никто.
А у нас — природный газ,
Это раз.
И еще — природный газ...
И опять — природный газ...
И по процентам, как раз,
Отстаете вы от нас
Лет на сто!

3. О ТОМ, КАК КЛИМ ПЕТРОВИЧ ВЫСТУПАЛ НА МИТИНГЕ В ЗАЩИТУ МИРА

У жене моей спросите, у Даши,
У сестре ее спросите, у Клавки:
Ну, ни капельки я не был поддавши,
Разве только что — маленько — с поправки!

Я культурно проводил воскресенье,
Я помылся и попарился в баньке.
А к обеду, как сошлась моя семья,
Начались у нас подначки да байки!

Только принял я грамм сто, для почина
(Ну, не более, чем сто, чтоб я помер!),
Вижу — к дому подъезжает машина,
И гляжу — на ней обкомовский номер!

Ну, я на крылечко — мол, что за гость,
Кого привезли, не чеха ли?!
А там — порученец, чернильный гвоздь,
„Сидай, — говорит, — поехали!“

Ну, ежели зовут меня,
То — майна-вира!
В ДК идет заутреня
В защиту мира!
И Первый там, и прочие — из области.

Ну, сажусь я порученцу на ноги.
Он — листок мне,
Я и тут не перечу.
„Ознакомься, — говорит, — по дороге
Со своею выдающейся речью!“

Ладно — мысля — набивая себе цену,
Я ж в зачтениях мастак, слава Богу!
Приезжаем, прохожу я на сцену,
И сажусь со всей культурностью сбоку.

Вот моргает мне, гляжу, председатель:
Мол, скажи свое рабочее слово!
Выхожу я,
И не дробно, как дятел,
А неспешно говорю и сурово:

„Израильская, — говорю, — военщина
Известная всему свету!
Как мать, — говорю, — и как женщина
Требую их к ответу!

Ноторый год я вдовая,
Все счастье — мимо,
Но я стоять готовая
За дело мира!
Как мать вам заявляю и как женщина!..”

Тут отвисла у меня прямо челюсть,
Ведь бывают же такие промашки! —
Это сучий сын, пижон-порученец,
Перепутал в суматохе бумажки!

И не знаю — продолжать или кончить,
В зале вроде ни смешочков, ни вою...
Первый тоже, вижу, рожки не корчит,
А кивает мне своей головою!

Ну, и дал я тут галопом — по фразам
(Слава Богу, завсегда все и то же!),
А как кончил —
Все захлопали разом,
Первый тоже — лично — сдвинул ладоши.

Опосля зазвал в свою вотчину
И сказал при всем окружении:
„Хорошо, брат, ты им дал, по-рабочему!
Очень верно осветил положение!...”

Такая вот история!

**4. О ТОМ, КАК КЛИМ ПЕТРОВИЧ СОЧИНИЛ
НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКУЮ КОЛЫБЕЛЬНУЮ,
УКАЧИВАЯ СВОЕГО ПЛЕМЯННИКА — СЕМЕНА,
КЛАВКИНОГО СЫНА**

Спи, Семен, спи,
Спи, понимаешь, спи!
Спи, а то придет Нащея,
Растудить его в качель!
Мент приедет на „козе“,
Зафуячит в КПЭ!
Вот, какие, брат, дела —
Мышка кошку родила.
Спи, Семен, спи,
Спи, понимаешь, спи!

В две тысячи семьдесят пятом году
Я вечером, Сеня, в пивную зайду,
И пива спрошу, и услышу в ответ,
Что рижского нет, и московского нет,
Но есть жигулевское пиво —
И я просияю счастливо!

И робот-топтун, молчалив и мордаст,
Мне пиво с горошком зеленым подаст,
И выскажусь я, так сказать, говоря:
— Не зря ж мы страдали,
И гибли не зря!
Не зря мы, глаза завидующие,
Мечтали увидеть грядущее!

Спи, Семен, спи,
Спи, понимаешь, спи.
Спи, а то придет Нащей,
Растудить его в качель!

Мент приедет на „козе“,
Зафуячит в КПЗ!
Вот, какие, брат, дела —
Мышка кошку родила.
Спи, Семен, спи,
Спи, понимаешь, спи.
Спи!..

**5. О ТОМ, КАК КЛИМ ПЕТРОВИЧ ДОБИВАЛСЯ,
ЧТОБ ЕГО ЦЕХУ ПРИСВОИЛИ ЗВАНИЕ
ЦЕХА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ТРУДА,
И НЕ ДОБИВШИСЬ ЭТОГО — ЗАПИЛ**

... Все смеются на бюро:
— Ты ж, как витязь —
И жилплощадь, и получка по-царски!
Ну, а я им:
— Извините, подвиньтесь!
Я ж за правду хлопочу, не за цацки!
Как хотите — на доске ль, на бумаге ль,
Цельным цехом отмечайте, не лично.
Мы ж работаем на весь наш соцлагерь,
Мы ж продукцию даем на отлично!
И совсем мне, — говорю, — не до смеху,
Это чье же, — говорю, — указанье,
Чтоб такому выдающему цеху
Не присваивать почетное званье?!

А мне говорят
(Все друзья говорят —
И Фрол, и Пахомов с Тонькою):
— Никак, — говорят, — нельзя, — говорят, —
Уж больно тут дело тонкое!

А я говорю (матком говорю!):
— Пойду, — говорю, — в обком, — говорю!

А в обкоме мне всё то же:
— Не суйся!
Не долдонь, как пономарь поминанье.
Ты ж партийный человек, а не зюзя,
Должен, все ж таки, иметь поминанье!

Мало, что ли, пресса ихняя треплет
Все, что делается в нашенском доме?
Скажешь — дремлет Пентагон?
Нет, не дремлет!
Он не дремлет, мать его, он на стрёме!

Как завелся я тут с пол-оборота:
— Так и будем сачковать?!
Так и будем?!
Мы же в счет восьмидесятого года
Выдаем свою продукцию людям!

А мне говорят:
— Ты чего, — говорят, —
Орешь, как пастух на выпасе?!
Давай, — говорят, — молчи, — говорят,
Сиди, — говорят, — и не рыпайся!
А я говорю, в тоске говорю:
— Продолжим наш спор в Москве, — говорю!

... Проживаюсь я в Москве, как собака.
Отсылает референт к референту:
— Ты и прав, — мне говорят, — но, однако,
Не подходит это дело к моменту.
Ну, а вздумается вашему цеху,
Скажем — встать на юбилейную вахту?
Представляешь сам, какую оценку
Би-Би-Си дадут подобному факту?!
Ну, потом — про ордена, про жилплощадь,
А прощаясь, говорят на прощанье:
— Было бы в мире положенье попроще,
Мы б охотно вам присвоили званье.
А так, — говорят, — ну, ты прав, — говорят, —
И продукция ваша лучшая!
Но все ж, — говорят, — не д р а п, — говорят, —
А проволочка колючая!..

— Ну, что ж, — говорю, —
Отбой! — говорю. —
Пойду, — говорю, —
В запой, — говорю!

Взял — и запил.

6. ПЛАЧ ДАРЬИ КОЛОМИЙЦЕВОЙ ПО ПОВОДУ ЗАПОЯ ЕЕ СУПРУГА — КЛИМА ПЕТРОВИЧА

... Ой, доля моя жалкая!
Родиться бы слепой!
Такая лета жаркая —
А он пошел в запой.

Вернусь я из магазина,
А он уже блажной,
Поет про Стеньку Разина
С персидскою княжной.

А жар — ну прямо доменный,
Ну прямо градом пот,
А он, дурак недоенный,
Сидит и водку пьет.

Ну, думаю я, думаю,
Болит от мыслей грудь:
— Не будь ты, Дарья, дурую —
Придумай что-нибудь!

То охаю, то ахаю —
Спокоя нет как нет!
И вот —
Пошла я к знахарю,
И знахарь дал совет.

И в день воскресный, в утречко,
Я тот совет творю:
Вплываю, словно уточка,
И Климу говорю:

— Вставай, любезный-суженый,
Уважь свой родный дом,
Вставай-давай, поужинай,
Поправься перед сном!

А что ему до времени?
Ему б нутро мочить!
Он белый свет от темени
Не может отличить!

А я его, как милочка,
Под ручки — под уздцы,
А на столе:
Бутылочка,
Грибочки, огурцы.

Ой, яблочки моченые
С обкомовской икрой,
Стаканчики граненые
С хрустальной игрой,

И ножички, и вилочки —
Гуляйте, караси!
Но только в той бутылочке
Не водка:
Ка-ра-син!

Ну, вынула я пробочку —
Поправься, атаман!
Себе — для вида — стопочку,
Ему — большой стакан.

— Давай, поправься, солнышко,
Давай, залей костер!..

Он выпил всё, до донышка,
И только нос утер.
Грибочек — пальцем — выловил,
Завел туманно взгляд,
Сжевал грибок
И вымолвил:
— Нет, не люблю маслят!

6. О ТОМ, КАК КЛИМ ПЕТРОВИЧ ВОССТАЛ ПРОТИВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ СЛАБОРАЗВИТЫМ СТРАНАМ

История эта очень печальная, Клим Петрович рассказывает ее в состоянии крайнего раздражения и позволяет себе поэтому некоторые не вполне парламентские выражения.

... Прямо, думал я одно — быть бы живу,
Прямо, думал — до нутря просолюся!
А мотались мы тогда по Алжиру
С делегацией ЦК профсоюза.

Речи-встречи, то да се, кроем НАТО,
Но вконец оголодал я, катаясь.
Мне ж лягушек ихних на́ дух не надо,
Я им, сукиным детям, не китаец!

Тут и Мао, сам-рассам, окосел бы!
Быть бы живу, говорю, не до жира!
И одно мое спасенье —
Консервы,
Что мне Дарья в чемодан положила.

Но случилось, что она, с переляку,
Положила мне одну лишь салаку.
Я в отеле их засратом, в „Паласе“,
Запираюсь, как вернемся, в палате,
Помолюсь, как говорится, Аллаху
И рубаю в маринаде салаку.

А наутро я от жажды мычу,
И хоть воду мне давай, хоть мочу!

Ну, извелся я! И как-то, под вечер,
Не стерпел и очутился в продмаге...

Я ж не лысый, мать их так!
Я ж не вечен,
Я ж могу и помереть с той салаки!

Вот стою я, прямо злой, как Малюта,
То мне зябко в пинжаке, то мне жарко.
Хоть дерьмовая, а все же — валюта,
Все же тратить исключительно жалко!

И беру я чтой-то вроде закуски,
Захудаленькую баночку, с краю,
Но написано на ей не по-русски,
А по-ихнему я плохо читаю.

Подхожу я тут к одной синьорите:
— Извините, мол, комбьен,
Битте-дритте,
Подскажите, мол, не с мясом ли банка?..
А она в ответ кивает, засранка!

И пошел я, как в беспамятстве, к кассе,
И очнулся лишь в палате, в „Паласе“ —
Вот на койке я сижу нагишом
И орудую консервным ножом!

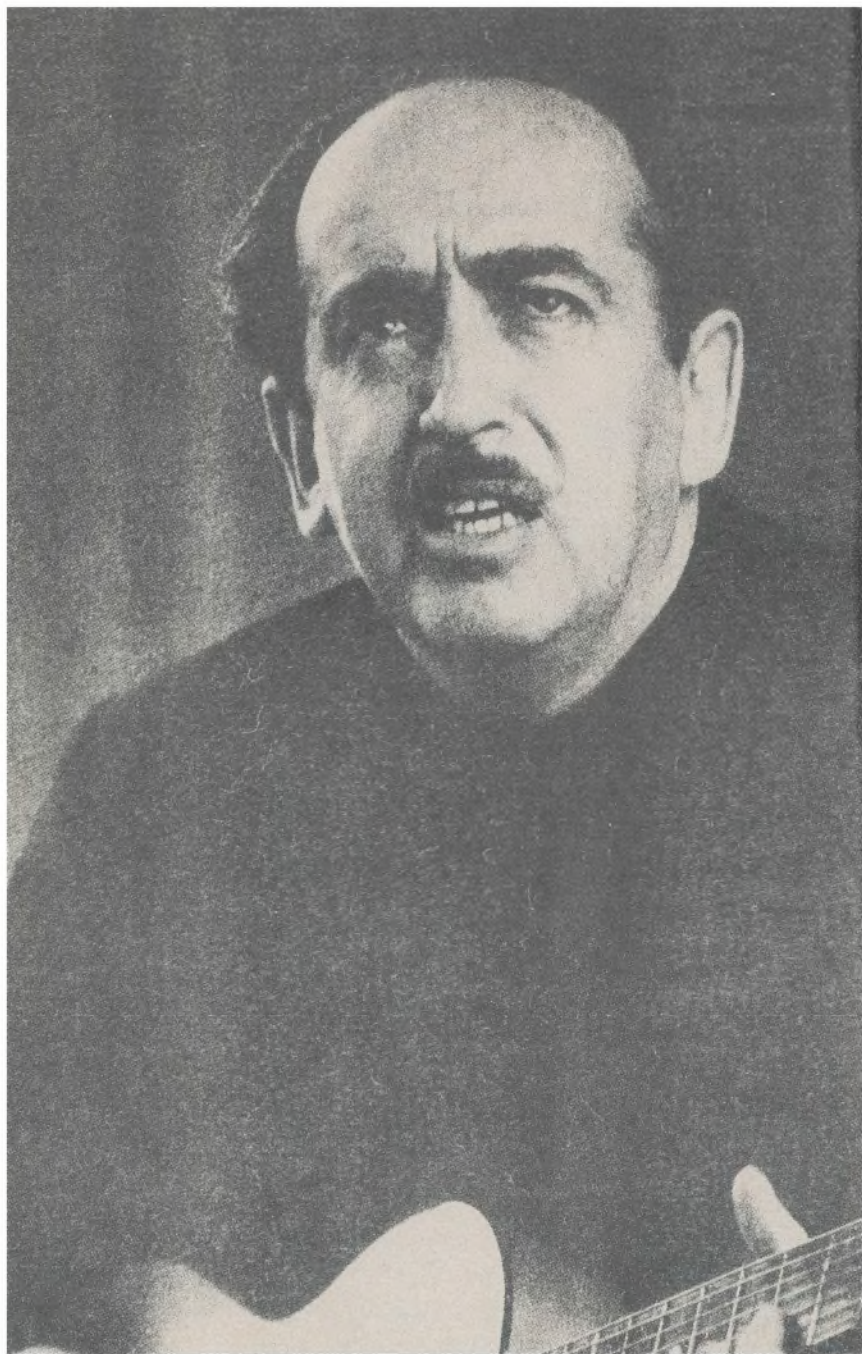
И до самого рассветного часа
Матерился я в ту ночь, как собака.
Оказалось в этой банке не мясо —
Оказалась в этой банке салака!

И не где-нибудь в Бразилии „маде“,
А написано ж внизу, на наклейке,
Что, мол, „маде“ в СССР,
В маринаде,
В Ленинграде,
Рупь четыре копейки!

... Нет, уж, братцы, надо ездить поближе,
Не на край, расперемать его, света!
Мы ж им — гадам — помогаем,
И мы же
Пропадаем, как клопы, через это!

Я то думал — как-никак заграница,
Думал — память, как-никак, сохранится.

Оказалось, что они, голодранцы,
Понимают так, что мы — иностранцы!
И вся жизнь их заграничная — лажа!
Даже хуже — извините — чем наша!

Литературские
любки

1. ПАМЯТИ Б. Л. ПАСТЕРНАКА

Правление Литературного Фонда СССР извещает о смерти писателя, члена Литфонда Бориса Леонидовича Пастернака, последовавшая 30 мая сего года на 71-м году жизни после тяжелой продолжительной болезни, и выражает соболезнование семье покойного.

*Единственное появившееся в газетах,
вернее, в одной — „Литературной газете“
— сообщение о смерти Б. Л. Пастернака.*

Разобрали венки на венки,
На полчасаика погрустнели...
Как гордимся мы, современники,
Что он умер в своей постели!

И терзали Шопена лабухи,
И торжественно шло прощанье...
Он не мылил петли в Елабуге
И с ума не сходил в Сучане!

Даже киевские письменники
На поминки его успели.
Как гордимся мы, современники,
Что он умер в своей постели!..

И не то чтобы с чем-то з́а сорок —
Ровно семьдесят, возраст смертный.
И не просто какой-то пасынок —
Член Литфонда, усопший сметный!

Ах, осыпались лапы ёлочьи,
Отзвенели его метели!
До чего ж мы гордимся, сволочи,
Что он умер в своей постели!..

„Мело, мело по всей земле
Во все пределы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела“...

Нет, никакая не свеча —
Горела люстра.
Очки на морде палача
Сверкали шустро!

А зал зевал, а зал скучал:
Мели, Емеля!
Ведь не в тюрьму и не в Сучан,
Не к высшей мере,

И не к терновому венцу
Колесованьем,
А как поленом по лицу —
Голосованьем!

И кто-то, спяну, вопрошал:
„За что?! Кого там?!“
И кто-то жрал. И кто-то ржал
Над анекдотом!

Мы не забудем этот смех,
и эту скуку!
Мы — поименно! — вспомним всех,
Кто поднял руку!..

„Гул затих. Я вышел на подмости,
Прислонясь к дверному косяку...“

Вот и смолкли клевета и споры,
Словно взят у вечности отгул...
А над гробом встали мародеры
И несут почетный... На-ра-ул!..

2. СНОВА АВГУСТ

Посвящается памяти А. А. Ахматовой

Анна Андреевна очень боялась и не любила месяц август и считала этот месяц для себя несчастливым, и имела к этому все основания, поскольку в августе был расстрелян Гумилев, на станции Бернгардтовка, в августе был арестован ее сын Лев, в августе вышло известное постановление о журналах „Звезда“ и „Ленинград“ и т. д.

„Кресты“ — ленинградская тюрьма. Пряжка — район в Ленинграде.

... а так как мне бумаги не хватило,
я на твоём пишу черновике...

Анна Ахматова, „Поэма без героя“

В той злой тишине, в той неверной,
В тени разведенных мостов
Ходила она по Шпалерной,
Моталась она у „Крестов“.

Ея в тягость? Да нет, ей не в тягость —
Привычно, как росчерк пера.
Вот если бы только не август,
Не чёртова эта пора!

Таким же неверно-нелепым
Был давний тот август, когда
Над черным бернгардтовским небом
Стрельнула, как птица, беда.

И разве не в августе снова,
В еще не отмеренный год,
Осудят мычанием слово
И совесть отправят в расход?!

Но это потом, а покуда
Которую ночь — над Невой,
Уже не надеясь на чудо,
А только бы знать, что живой!

И в сумерки вписана четко,
Как вписана в нашу судьбу,
По-царски небрежная челка,
Прилипшая к мокрому лбу.

О, шелест финских сосен,
Награда за труды,
Но вновь приходит осень —
Пора твоей беды!

И август, и как будто
Все то же, как тогда,
И врет мордастый Будда,
Что горе — не беда!

Но вьется, вьется челка
Колечками на лбу.
Уходит в ночь девчонка
Пытать твою судьбу.

По улице бессветной,
Под окрик патрулей,
Идет она бессмертной
Походкою твоей.

На праздник и на плаху
Идет она, как ты,
По Пряжке, через Прагу —
Искать свои „Кресты“!

И пусть судачат глупые соседи,
Пусть кто-то обругает не со зла,
Она домой вернется на рассвете
И никому ни слова — где была...

Но с мокрых пальцев облизнет чернила
И скажет, примостившись в уголке:
„Прости, но мне бумаги не хватило,
Я на твоём пишу черновике...“

3. НА СОПКАХ МАНЧЖУРИИ

Памяти М. М. Зощенко

В матершинном субботнем загуле шалманчика
Обезьянка спала на плече у шарманщика.
А когда просыпалась, глаза ее жуткие
Выражали почти человечно отчаянность,
А шарманка дудела про сопки манчжурские,
И Тамарка-буфетчица очень печалилась...

Спит гаолян,
Сопки покрыты мглой...

Были и у Томки трали-вали.
И не Томкой — Томочкою звали.
Целовалась с миленьким в осоке.
И не пивом пахло, а апрелем,
Может быть, и впрямь на той высоте
Сгинул он, порубан и пострелян...

Вот из-за туч блеснула луна.
Могилы хранят покой...

А последний шарманщик — обломок империи —
Все пылил перед Томкой павлиньими перьями.
Он выламывал, шура, замашки буржуйские, —
То, мол, теплое пиво, то мясо прохладное.
А шарманка дудела про сопки манчжурские,
И спала на плече обезьянка прокатная...

Тихо вокруг.
Ветер туман унес...

И делясь тоской, как барышами,
Подпевали шлюхи с алкашами.
А шарманщик ел, зараза, хаши.
Алкашам подмигивал прелестно —

Дескать, деньги ваши — будут наши,
Дескать, вам приятно — мне полезно!

На сопках манчжурских воины спят.
И русских не слышно слез...

А часов этак в десять, а может — и ранее
Непонятный чужак появился в шалмании.
Был похож он на вдруг постаревшего мальчика.
За рассказ, напечатанный неким журнальчиком,
Толстомордый подонок с глазами обманщика
Объявил чужака всенародно — обманщиком...

Пусть гаолян
Нам навевает сны...

Сел чужак за стол и вжался в угол.
И легонько пальцами постукал,
И сказал, что отдохнет немного,
Помолчав, добавил напряженно:
„Если есть боржом, то, ради Бога,
Дайте мне бутылочку боржома...“

Спите, герои русской земли,
Отчизны родной сыны...

Обезьянка проснулась, тихонько зацокала.
Загляделась на гостя, присевшего около.
А Тамарка-буфетчица, сука рублевая,
Покачала смущенно прическою пегою
И сказала: „Пардон, но у нас не столовая,
Только вы обождите, я на угол сбегая...“

Спит гаолян,
Сопки покрыты мглой...

А чужак глядел на обезьянку,
Пальцами выстукивал морзянку,
Словно бы он звал ее на помощь,
Удивляясь своему бездомью,
Словно бы он спрашивал: „Запомнишь?“
И она кивала: „Да, запомню“.

Вот из-за туч блеснула луна,
Могилы хранят покой...

Отодвинул шарманщик шарманку ботинкою,
Прибежала Тамарка с боржомной бутылкою
И сама налила чудану полстаканчика
(Не знавали в шалмане подобные почести),
А Тамарка, в упор поглядев на шарманщика,
Приказала: „Играй, — человек в одиночестве“.

Тихо вокруг,
Ветер туман унес...

Замолчали шлюхи с алкашами,
Только мухи крыльями шуршали...
Стало почему-то очень тихо,
Наступила странная минута —
Непонятное, чужое лихо
Стало общим лихом почему-то!

На сопках манчжурских воины спят.
И русских не слышно слез...

Не взрывалось молчанье ни матом, ни брѣхами.
Обезьянка сипела спаленными бронхами.
И шарманщик, забыв трепотню свою барскую,
Сам назначил себе — мол, играй, да помалкивай. —
И почти что неслышно сказав: „Благодарствую!“ —
Наклонился чудак над рукою Тамаркиной...

Пусть гаолян
Нам навевает сны...

И ушел чудак, не взявши сдачи,
Всем в шалмане пожелал удачи...
Вот какая странная эпоха —
Не горим в огне — и тонем в луже!
Обезьянке было очень плохо —
Человеку было много хуже!

Спите, герои русской земли,
Отчизны родной сыны...

4. ЛЕГЕНДА О ТАБАКЕ

Посвящается памяти замечательного человека, Даниила Ивановича Ювачева, придумавшего себе странный псевдоним — Даниил Хармс, писавшего прекрасные стихи и прозу, ходившего в автомобильной кепке и с неизменной трубкой в зубах, которая действительно исчез, просто вышел на улицу и исчез. У него есть такая пророческая песенка:

„Из дома вышел человек
С веревкой и мешком
И в дальний путь, и в дальний путь
Отправился пешком.
Он шел, и все глядел вперед,
И все вперед глядел.
Не спал, не пил,
Не спал, не пил,
Не спал, не пил, не ел.
И вот однажды поутру
Вошел он в темный лес
И с той поры, и с той поры,
И с той поры исчез...”

Лил жуткий дождь,
Шел страшный снег,
Вовсю дурил двадцатый век,
Кричала кошка на трубе,
И выли сто собак.
И, встав с постели, человек
Увидел кошку на трубе,
Зевнул, и сам сказал себе:
„Кончается табак!
Табак кончается — беда.
Пойду куплю табак”.
И вот... но это ерунда,
И было все не так.

Из дома вышел человек
С веревкой и мешком.
И в дальний путь,
И в дальний путь
Отправился пешком...
И тут же, проглотив смешок,
Он сам себя спросил:
„А для чего он взял мешок?
Ответьте, Даниил?“
Вопрос резонный, нечем крыть,
Летит к чертям строка,
И надо, видно, докурить
Остаток табака...

Итак, однажды человек
Та-та-та с посошком...
И в дальний путь,
И в дальний путь
Отправился пешком.
Он шел, и все глядел вперед,
И все вперед глядел.
Не спал, не пил,
Не спал, не пил,
Не спал, не пил, не ел...

А может, снова все начать
И бросить этот вздор?!
Уже на ордере печать
Оттиснул прокурор...

Начнем вот эдак: „Пять зайчат
Решили ехать в Тверь...“
А в дверь стучат,
А в дверь стучат —
Пока не в эту дверь.

„Пришли зайчата на вокзал,
Прошли зайчата в зальце,
И сам кассир, смеясь, сказал —
Впервые вижу зайца!“

Но этот чёртвов человек
С веревкой и мешком,

Он и без спроса в дальний путь
Отправился пешком.
Он шел, и все глядел вперед,
И все вперед глядел.
Не спал, не пил,
Не спал, не пил,
Не спал, не пил, не ел.
И вот однажды поутру
Вошел он в темный лес
И с той поры, и с той поры,
И с той поры исчез.

На воле — снег, на кухне — чад.
Вся комната в дыму.
А в дверь стучат,
А в дверь стучат...
На этот раз — к нему!

О чем он думает теперь,
Теперь, потом, всегда,
Когда стучит ногою в дверь
Чугунная беда?!

А тут ломается строка,
Строфа теряет стать,
И нет ни капли табака,
А т а м — уж не достать!
И надо дописать стишок,
Пока они стучат...
И значит, все-таки — мешок.
И побочку зайчат.
(А в дверь стучат!)
В двадцатый век
(Стучат!),
Как в темный лес,
Ушел однажды человек
И навсегда исчез!..
Но Парка нить его тайком
По-прежнему прядет.
А он ушел за табаком,
Он вскорости придет.

За ним бежали сто собак
И кот по крышам лез...
Но только в городе табак
В тот день как раз исчез.
И он пошел в Петродворец.
Потом пешком в Торжок...
Он догадался, наконец,
Зачем он взял мешок...

Он шел сквозь свет
И шел сквозь тьму,
Он был в Сибири и в Крыму,
А опер каждый день к нему
Стучится, как дурак...
И много-много лет подряд
Соседи хором говорят:
„Он вышел пять минут назад,
Пошел купить табак...“

5. ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ИТАКУ

Памяти Осипа Эмильевича Мандельштама

... В квартире, где он жил, находились он,
Надежда Яковлевна и Анна Андреевна
Ахматова, которая приехала его навестить
из Ленинграда. И вот они сидели все
вместе, пока длился обыск, до утра, и пока
шел этот обыск, за стеною, тоже до утра,
у соседа их, Нирсанова, ничего не знавшего
об обыске, запускали пластинки с модной в
ту пору гавайской гитарой...

*..И только и свету, что в звездной колючей неправде.
А жизнь промелькнет театрального капора пеной.
И некому молвить: „Из табора улицы темной...“*

О. Мандельштам

Всю ночь за стеной ворковала гитара.
Сосед-прощелыга крутил юбилей.
А два понятых, словно два санитаря,
Зевая, томились у черных дверей.

И жирные пальцы, с неспешной заботой,
Кромешной своей занимались работой,
И две королевы глядели в молчанье,
Как пальцы копались в бумажной мочале.

Как жирно листали за книжкою книжку,
А сам-то король — все бочком да вприпрыжку,
Чтоб взглядом не выдать — не та ли страница,
Чтоб рядом не видеть безглазые лица!

А пальцы искали крамолу, крамолу...
А там, за стеной все гоняли „Рамону“:

*„Рамона! Какой простор вокруг, взгляни!
Рамона! И в целом мире мы одни...“*

.... А жизнь промелькнет театрального капора пеной...”

И глядя, как пальцы шуруют в обивке,
Вольно ж тебе было, он думал, вольно!
Глотай своего якобинства опивки!

Глотай своего якобинства опивки!
Не уксус еще, но уже не вино.

Щелкунчик, скворец, простофиля-Емеля,
Зачем ты ввязался в чужое похмелье?!
На что ты истратил свои золотые?!
И скучно следили за ним понятия...

А две королевы бездарно курили
И тоже казнили себя и корили —
За лень, за небрежный кивок на вокзале,
За все, что ему второпях не сказали...

А пальцы копались и рв́алась бумага...
И пел за стеной тенорок-беодолага:

„Рамона! Моя любовь, мои мечты...
Рамона! Везде и всюду только ты...

...И только и свету, что в звездной колючей неправде...”

По улице черной, за вороном черным,
За этой каретой, где окна крестом,
Я буду метаться в дозоре почетном,
Я буду метаться в дозоре почетном,
Пока, обессилев, не рухну пластом!

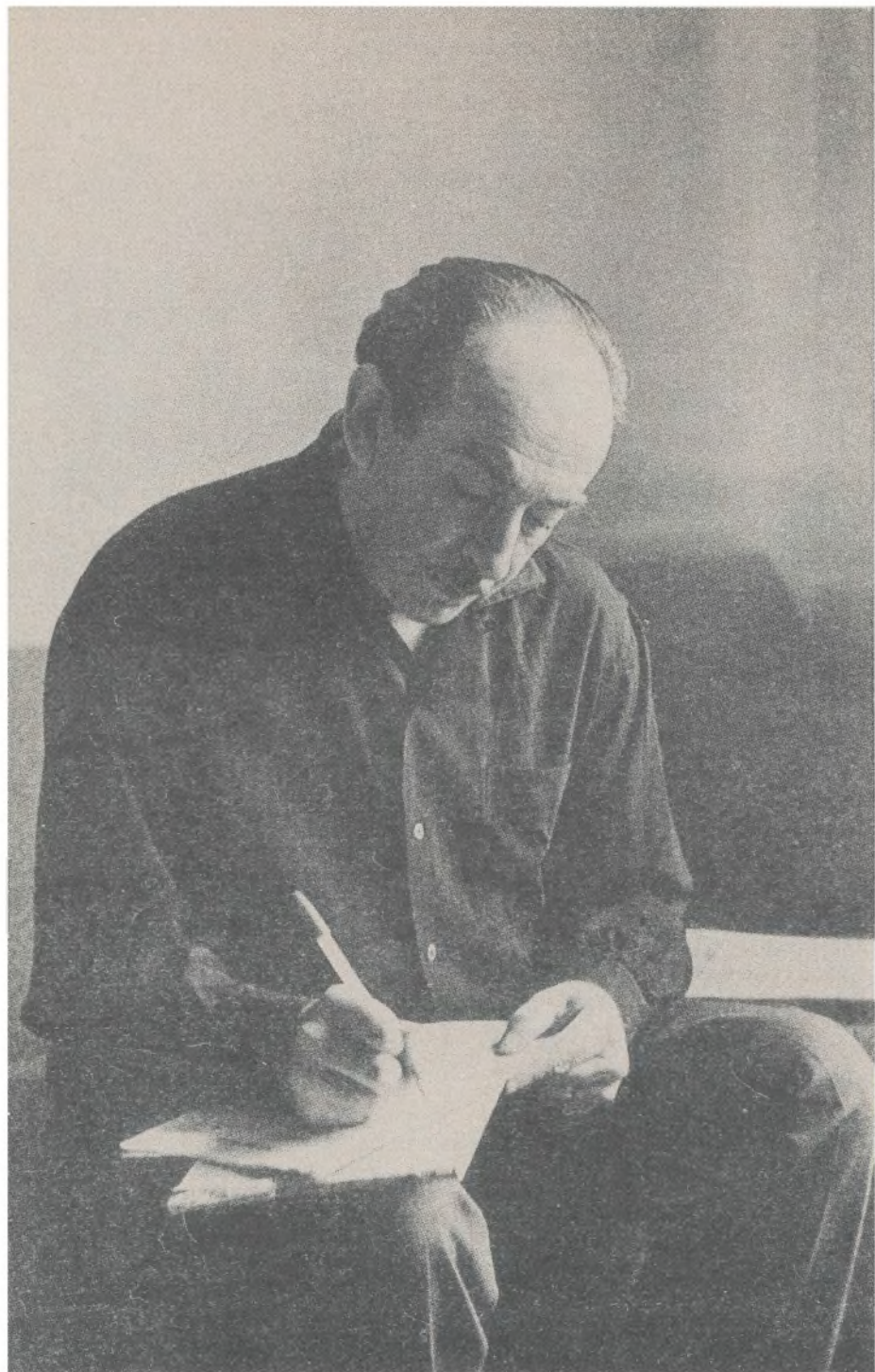
Но слово останется, слово осталось!
Не к слову, а к сердцу приходит усталость.
И хочешь, не хочешь — слезай с карусели.
И хочешь, не хочешь — конец одиссеи!

Но нас не помчат паруса на Итаку:
В наш век на Итаку везут по этапу.
Везут Одиссея в телячьем вагоне,
Где только и счастья, что нету погони!

Где, выпив „ханжи“, на потеху вагону,
Блатарь-одессит распевает „Рамону“:

„Рамона! Ты слышишь ветра нежный зов?
Рамона! Ведь это песнь любви без слов...”

.... И некому, некому,
Некому молвить:
„Из табора улицы темной...”

Средний
бор

1. СВЯЩЕННАЯ ВЕСНА

Собирались вечерами зимними,
Говорили то же, что вчера...
И порой почти невыносимыми
Мне казались эти вечера.

Обсуждали все приметы искусства,
Превращали в сложность — простоту,
И моя Беда смотрела искоса
На меня — и мимо, в пустоту.

Этим странным взглядом озадаченный,
Темным взглядом, как хмельной водой,
Столько раз обманутый удачами,
Обручился я с моей Бедой!

А зима все длилась, все не таяла,
И, пытаясь одолеть тоску,
Я домой, в Москву, спешил из Таллина,
Из Москвы — куда-то под Москву.

Было небо вымазано суриком,
Белую поземку гнал апрель...
Только вдруг, — прислушиваясь к сумеркам,
Услыхал я первую капель.

И весна, священного священнее,
Вырвалась внезапно из оков!
И простую тайну причащения
Угадал я в таяньи снегов.

А когда в тумане, будто в мантии,
Поднялась над берегом вода, —
Образок Назанской Божьей Матери
Подарила мне моя Беда!

... Было тихо в доме. Пахло солодом.
Чуть скрипела за окном сосна.
И почти осенним звонким золотом
Та была пронизана весна!

Та весна — Прощенья и Прощания,
Та, моя осенняя весна,
Что дразнила мукой обещания
И томила. И лишала сна.

Словно перед дальнею дорогою,
Словно — в темень — угадав зарю,
Дар священный твой ладонью трогаю
И почти неслышно говорю:

— В лихолетье нового рассеянья,
Ныне и вовеки, навсегда,
Принимаю с гордостью Спасение
Я — из рук Твоих — моя Беда!

2. ПИСЬМО В СЕМНАДЦАТЫЙ ВЕК

... По вечерам, написав свои обязательные десять страниц (я писал в Серебряном боре „Генеральную репетицию“), я отправлялся гулять. Со мною неизменно увязывался дворовый беспородный пес по кличке Герцог. С берега Москвы-реки мы сворачивали в лесную аллею, доходили до троллейбусной остановки, огибали круглую площадь и тем же путем возвращались к реке. Я садился на скамейку, закуривал, Герцог устраивался у моих ног. Мы смотрели на бегущую воду, на противоположный берег. Справа — стояла церковь — Лыковская Троица, — превращенная в дровяной склад, а слева расстилались уголья государственной дачи номер пять. Там жил еще член Политбюро в ту пору, Д. Полянский. Именно его вельможному гневу я был обязан, как выразились бы старинные канцеляристы, „лишением всех прав состояния“. Вертеть головой то направо, то налево — было чрезвычайно интересно.

Уж так ли безумно намеренье —
Увидеться в жизни земной?!
Читает красотка Вермеера
Письмо, что написано мной.

Она словно сыграна скрипкою —
Прелестна, нежна и тонка,
Следит с удивленной улыбкою,
Как в рифму впадает строка.

А впрочем, мучение адово
Читать эти строчки вразброд!

Как долго из века двадцатого
В семнадцатый — почта идет!

Я к ней написал погалантнее,
Чем в наши пишу времена...

Смеркается рано в Голландии,
Но падает свет из окна.

Госпожа моя! Триста лет,
Триста лет вас всё нет, как нет.
На чепце расплелась тесьма,
Почтальон не несет письма,
Триста долгих-предолгих лет
Вы все пишете мне ответ.
Госпожа моя, госпожа,
Просто — режете без ножа!

До кого-то доходят вести,
До меня — только сизый дым.
Мы с дворовой собакой вместе
Над бегучей водой сидим.
Пес не чистой породы, помесь,
Но премудрый и славный пес...
Как он тащится, этот поезд, —
Триста лет на один откос!
И такой он ужасно гордый,
Что ему и гудеть-то лень...

Пес мне ткнулся в колени мордой,
По воде пробежала тень.

Мы задремлем. Но нас разбудит
За рекой громыхнувший джаз...

Скоро, скоро в Москву прибудет
Из Голландии дилижанс!

Вы устали, моя судьба,
От столба пылить до столба?
А у нас теперь на Руси
И троллейбусы, и такси.
Я с надеждой смотрю — а вдруг
Дилижанс ваш придет на круг?
Дилижанс стоит на кругу́...

Дилижанс стоит на кругу́ —
Я найти его не могу!

Он скоро, скоро, скоро тронется!

Я над водой сижу опять,
Направо — Лыковская Троица,
Налево — дача номер пять.

На этой даче государственной
Живет светило из светил,
Кому молебен благодарственный
Я б так охотно посвятил!
За все его вниманье крайнее,
За тот отеческий звонок,
За то, что муками раскаянья
Его потешить я не мог!
Что славен кличкой подзаборною,
Что наглых не отвел очей,
Когда он шествовал в уборную
В сопровожденьи стукачей!

А поезд все никак не тронется!
Какой-то вздор, какой-то бред...

В вечерний дым уходит Троица,
На даче кушают обед.

Меню государственного обеда:

Бламанже.

Суп гороховый с грудинкой и гренками.

Бламанже!

Котлеты свиные отбивные с зеленым горошком.

Бламанже!

Мусс клубничный со взбитыми сливками.

Бламанже!!!

— Вы хотите

Бля-ман-же?

— Извините,

Я уже!

У них бламанже сторожат сторожа,
Ключами звеня.

Простите меня, о — моя госпожа,

Простите меня!

Я снова стучусь в ваш семнадцатый век

Из этого дня.

Простите меня, дорогой человек,

Простите меня!

Я славлю упавшее в землю зерно
И мудрость огня.
За все, что мне скрыть от людей не дано —
Простите меня!

Ах, только бы шаг — за черту рубежа
По зыбкому льду...
Но вы подождите меня, госпожа,
Теперь я решился, моя госпожа,
Теперь уже скоро, моя госпожа,
Теперь я приду!..

Я к Вам написал погалантнее,
Чем в наши пишу времена.

Смеркается рано в Голландии,
Но падает свет из окна.

3. НОМЕРА

И. Б.

Вьюга листья на крыльцо намела,
Глупый ворон прилетел под окно
И выкаркивает мне номера
Телефонов, что умолкли давно.

Словно сдвинулись во мгле полюса,
Словно сшиблись над огнем топоры —
Оживают в тишине голоса
Телефонов довоенной поры.

И внезапно обретая черты,
Шепелявит озорной шепоток:
— Пять-тринадцать-сорок три, это ты?
Ровно в восемь приходи на каток!

Пляшут галочки следы на снегу,
Ветер ставнею стучит на бегу,
Ровно в восемь я прийти не могу...
Да и в девять я прийти не могу!

Ты напрасно в телефон не дыши,
На заброшенном катке ни души,
И давно уже свои „бегашки“
Я старьевщику отдал за гроши.

И совсем я говорю не с тобой,
А с надменной телефонной судьбой.
Я приказываю:
— Дайте отбой!
Умоляю:
— Поскорее отбой!

Но печально из ночной темноты,
Как надежда
И упрек,
И итог:
— Пять-тринадцать-сорок три, это ты?
Ровно в восемь приходи на каток!

В Серебряном боре, у въезда в дом отдыха артистов Большого театра, стоит врытый в землю, неуклюже отесанный деревянный столб. Малярной кистью, небрежно и грубо, на столбе нанесены деления с цифрами — от единицы до семерки. К верху столба прилажено колесико, через которое пропущена довольно толстая проволока. С одной стороны столба проволока уходит в землю, а с другой — к ней подвешена тяжелая гирия.

Сторож дома отдыха объяснил мне:

— А это, Александр Аркадьевич, говномер... Проволока, она, стало быть, подведена к яме ассенизационной! Уровень, значит, повышается — гирия понижается... Пока она на двойке-тройке качается — ничего. А как до пятерки-шестерки дойдет — тогда беда, тогда, значит, надо из города золотариков вызывать...

Мне показалось это творение русского умельца не только полезным, но и весьма поучительным. И я посвятил ему философский этюд, который назвал эпически-скромно:

4. ПЕЙЗАЖ

Все было пасмурно и серо,
И лес стоял, как неживой,
И только гирия говномера
Слегка качала головой.

Не все напрасно в этом мире
(Хотя и грош ему цена!),
Покуда существуют гирии
И виден уровень говна!

5. ПРОЩАНИЕ

За высокими соснами синий забор
И калитка в заборе.
Вот и время прощаться, Серебряный бор,
Нам — в Серебряном боре!

Выходила калитка в бескрайний простор,
Словно в звездное море.
Я грущу по тебе, мой Серебряный бор,
Здесь — в Серебряном боре.

Мы с тобою вели нескончаемый спор,
Только дело не в споре.
Я прощаюсь с тобой, мой Серебряный бор,
Здесь — в Серебряном боре.

Понимаешь ли — боль подошла под упор,
Словно пуля в затворе.
Я с тобой расстанусь, мой Серебряный бор,
Здесь — в Серебряном боре.

Ну, не станет меня — для тебя это вздор,
Невеликое горе!
Что ж, спасибо тебе, мой Серебряный бор,
Я прощаюсь с тобой, мой Серебряный бор,
Я грущу по тебе, мой Серебряный бор,
Здесь — в Серебряном боре!

ПЕСНЯ ОБ ОТЧЕМ ДОМЕ

Ты не часто мне снишься, мой Отчий Дом,
Золотой мой, недолгий век.
Но все то, что случится со мной потом, —
Все отсюда берет разбег!

Здесь однажды очнулся я, сын земной,
И в глазах моих свет возник.
Здесь мой первый гром говорил со мной,
И я понял его язык.

Как же странно мне было, мой Отчий Дом,
Когда Некто с пустым лицом
Мне сказал, усмехнувшись, что в доме том
Я не сыном был, а жильцом.

Угловым жильцом, что копит деньги —
Расплатиться за хлеб и кров.
Он копит деньги, и всегда в долгу,
И не вырвется из долгов!

— А в сыновней верности в мире сем
Клялись многие — и не раз! —
Так сказал мне Некто с пустым лицом
И прищурил свинцовый глаз.

И добавил:
— А впрочем, слукавь, солги —
Может, вымолишь тишь да гладь!..
Но уж если я должен платить долги,
То зачем же при этом лгать?!

И пускай я гроши наскребу с трудом,
И пускай велика цена —
Кредитор мой суровый, мой Отчий Дом,
Я с тобой расплачусь сполна!

Но когда под грохот чужих подков
Грянет свет роковой зари —
Я уйду, свободный от всех долгов,
И назад меня не зови.

Не зови вызволять тебя из огня,
Не зови разделить беду.
Не зови меня!
Не зови меня...
Не зови —
Я и так приду!

КУМАЧОВЫЙ ВАЛЬС

Ну, давая убежим в мелколесье
Подмосковной условной глуши,
Где в колодце воды — хоть залейся
И порою весь день ни души!

Там отлипнет язык от гортани,
И не страшно, а просто смешно,
Что калитка, по-птичьки картавя,
Дребезжать заставляет окно.

Там не страшно, что хрустнула ветка
Поутру под чужим каблуком.
Что с того?!

Это ж просто соседка
Принесла нам кувшин с молоком.

Но увы — но и здесь — над платформой,
Над антеннами сгорбленных дач,
Над березовой рощей покорной
Торжествует все тот же кумач!

Он таращит метровые буквы,
Он вопит и качает права...
Только буквы, расчёртовы куклы,
Не хотят сочетаться в слова.

— Миру — мир!

— Мыру — мыр!

— Муре — муре!

— Мира — миг, мира — миф, в мире — мер...

И вникает в бессмыслицу хмуρο
Участковый милиционер.

Удостоенный важной задачей,
Он — и ночью, и утром, и днем —
Наблюдает за некою дачей,
За калиткой, крыльцом и окном.
Может, там куролесят с достатка,
Может, контра и полный блядеж?!

Кумачовый блюститель порядка,
Для кого ты порядок блюдешь?!

И, себя выдавая за знамя,
Но древко наклонив, как копье,
Маскировочной сетью над нами
Кумачовое реет тряпье!

Так неужто и с берега Леты
Мы увидим, как в звездный простор
Поплывут кумачовые ленты:

- Мира — миф!
- Мира — миг!
- Миру — мор!

ПСАЛОМ

Б. Чичибабину

Я вышел на поиски Бога.
В предгорье уже рассвело.
А нужно мне было немного —
Две пригоршни глины всего.

И с гор я спустился в долину,
Развел над рекою костер,
И красную вязкую глину
В ладонях размял и растер.

Что знал я в ту пору о Боге
На тихой заре бытия?
Я вылепил руки и ноги,
И голову вылепил я.

И, полон предчувствием смутным,
Мечтал я при свете огня,
Что будет Он добрым и мудрым,
Что Он пожалеет меня!

Когда ж он померк, этот длинный
День страхов, надежд и скорбей —
Мой бог, сотворенный из глины,
Сказал мне:
— Иди и убей!..

И канули годы.
И снова —
Все так же, но только грубей,
Мой бог, сотворенный из слова,
Твердил мне:
— Иди и убей!..

И шел я дорогою праха,
Мне в платье впивался репей,
И бог, сотворенный из страха,
Шептал мне:
— Иди и убей!..

Но вновь я печально и строго
С утра выхожу за порог —
На поиски доброго Бога,
И — ах, да поможет мне Бог!

ЗАКЛИНАНИЕ ДОБРА И ЗЛА

Здесь в окне по утрам просыпается свет,
Здесь мне все, как слепому, наощупь знакомо...
Уезжаю из дома!
Уезжаю из дома!
Уезжаю из дома, которого нет.

Это дом и не дом. Это дым без огня.
Это пыльный мираж или Фата-Моргана.
Здесь Добро в сапогах рукояткой нагана
В дверь стучало мою, надзирая меня.

А со мной кочевало беспечное Зло,
Отражало вторженья любые попытки,
И кофейник с кастрюлькой на газовой плитке
Не дурили и знали свое ремесло.

Все смешалось — Добро, Равнодушие, Зло.
Пел сверчок деревенский в московской квартире,
Целый год благодати в безрадостном мире —
Кто из смертных не скажет, что мне повезло?!

И пою, что хочу, и кричу, что хочу,
И хожу в благодати, как нищий в обновке.
Пусть движенья мои в этом платье неловки —
Я себе его сам выбирал по плечу!

Но Добро, как известно, на то и Добро,
Чтоб уметь притворяться — и добрым, и смелым,
И назначить при случае черное — белым,
И веселую ртуть превращать в серебро.

Все причастно Добру.
Все подвластно Добру.
Только с этим Добрынею взятки не гладки,
И готов я бежать от него без оглядки,
И забиться, зарыться в любую нору!..

Первым сдался кофейник:
Его разнесло,
Заливая конфорки и воздух поганя...
И Добро прокричало, гремя сапогами,
Что во всем виновато беспечное Зло!

Представитель Добра к нам пришел поутру
В милицейской (почудилось мне!) плащ-палатке...
От такого попробуй сбеги без оглядки,
От такого поди-ка заройся в нору!

И сказал Представитель, почтительно-строг,
Что дела выездные решают в ОВИРе,
Но что Зло не прописано в нашей квартире
И что сутки на сборы — достаточный срок!

Что ж, прощай, мое Зло!
Мое доброе Зло!
Ярым воском закапаны строчки в псалтыри.
Целый год благодати в безрадостном мире —
Кто из смертных не скажет, что мне повезло!

Что ж, прощай и — прости!

Набухает зерно.
Корабельщики ладят смоленые доски.
И страницы псалтыри — в слезах, а не в воске,
И прощальное в кружках гуляет вино!
Я растил эту ниву две тысячи лет —
Не пора ль поспешить к своему урожаю?!
Не грусти!
Я всего лишь навек уезжаю
От Добра и из дома —
Которого нет!

ОПЫТ НОСТАЛЬГИИ

... Когда переезжали через Неву, Пушкин
шутливо спросил:

— Уж не в крепость ли ты меня везешь?
— Нет, — ответил Данзас, — просто через
крепость на Черную речку самая близкая
дорога!

*Записано В. А. Жуковским со слов
секунданта Пушкина — Данзаса*

... То было в прошлом феврале,
И то и дело
Свеча горела на столе...

Б. Пастернак

... Мурка, не ходи, там сын
На подушке вышит!

А. Ахматова

Не жалею ничуть, ни о чем, ни о чем не жалею,
Ни границы над сердцем моим не вольны,
Ни года!
Так зачем же я вдруг при одной только мысли шалею,
Что уже никогда, никогда...
Боже мой, никогда!..

Погоди, успокойся, подумай —
А что — никогда?!

Широт заполярных метели,
Тарханы, Владимир, Ирпень —
Как много мы не доглядели,
Не поздно ль казниться теперь?!

Мы с каждым мгновеньем бессильней,
Хоть наша вина — не вина.
Над блочно-панельной Россией,
Как лагерный номер — луна.

Обкомы, горкомы, райкомы
В подтеках снегов и дождей.
В их окнах, как бельма трахомы
(Давно никому не знакомы),
Безликие лики вождей.

В их залах прокуренных — волки
Пинают людей, как собак.
А после те самые волки
Усядутся в черные „Волги“,
Закурят вирджинский табак.

И дач государственных охра
Укроет посадских светил,
И будет мордастая ВОХРа
Следить, чтоб никто не следил.

И в баньке, протопленной жарко,
Запляшет косматая чудь...

Ужель тебе этого жалко?
Ни капли не жалко, ничуть!

Я не вспомню, клянусь,
я и первые годы не вспомню,
Севастопольский берег,
Почти небывалая быль.
И таинственный спуск
в Херсонесскую каменоломню,
И на детской матроске —
Эллады певучая пыль.

Я не вспомню, клянусь!
Ну, а что же я вспомню?

А что же я вспомню?
Усмешку
На гадком чиновном лице,
Мою неуклюжую спешку
И жалкую ярость в конце.

Я в грусть по березкам не верю,
Разлуку слезами не мерь.
И надо ли эту потерю
Приписывать к счету потерь?

Как каменный лес, онемело,
Стоим мы на том рубеже,
Где тело — как будто не тело,
Где слово — не только не дело,
Но даже не слово уже.

Идут мимо нас поколения,
Проходят и машут рукой.
Презренье, презренье, презренье
Дано нам, как новое зренье
И пропуск в грядущий покой!

А кони?
Крылатые кони,
Что рвутся с гранитных торцов,
Разбойничий посвист погони,
Игрушечный звон бубенцов?!

А святки?
А прядь полушалка,
Что жарко спадает на грудь?
Ужель тебе этого жалко?
Не очень...
А впрочем — чуть-чуть!

Но тает февральская свечка,
Но спят на подушке сычи,
Но есть еще Черная речка,
Но есть еще Черная речка,
Но — есть — еще — Черная речка...

Об этом не надо!
Молчи!

СЛУШАЯ БАХА

М. Ростроповичу

На стене прозвенела гитара,
Зацвели на обоях цветы.
Одиночество Божьего дара —
Как прекрасно
И горестно ты!

Есть ли в мире волшебней,
Чем это
(Всея додуке земной вопреки) —
Одиночество звука и цвета
И паденья последней строки?

Отправляется небыль в дорогу
И становится былью потом.
Кто же смеет указывать Богу
И заведовать Божьим путем?!

Но к словам, оgranенным строкою,
Но к холсту, превращенному в дым, —
Так легко прикоснуться рукою,
И соблазн этот так нестерпим!

И не знают вельможные каты,
Что не всякая близость близка,
И что в храм ре-минорной токкаты
Недействительны их пропуска!

ОПЫТ ПРОЩАНЬЯ

Сане Авербуху

Корабль готовится в отплытие.
Но плыть на нем —
Сойти с ума!
Его оснастку, как наитие,
Разрушат первые шторма.
И равнодушно ветры жаркие,
Не оценив его дебют,
Когда-нибудь останки жалкие
К чужому берегу прибьют!

Но вновь гуляют кружки пенные,
И храбро пьют:
За край земли!
И корабельщики степенные
В дорогу ладят корабли.

... Вот он стоит,
Красавец писанный!
Готовый вновь нести свой крест.
Уже и названный,
И признанный,
Внесенный в Ллойдовский реестр.

И я — с причала — полон нежности,
Машу рукою кораблю.
Позорным страхом безнадежности
Я путь его не оскорблю.

Пусть он услышит громы вечные.
Пусть он узнает
Счастье — быть.
И всё шепчу я строки вещи:
— Пльвем...
Пльвем!
Куда ж нам плыть?!.

ОПЫТ ОТЧАЯНЬЯ

Мы ждем и ждем гостей неожиданных,
И в ожиданьи —
Ни гу-гу!
И все сидим на чемоданах,
Как на последнем берегу.

И что нам малые утраты
На этом горьком рубеже,
Когда обрублены канаты
И сходни убраны уже?

И нас чужие дни рожденья
Кропят соленую росой.
У этой —
Зоны отчужденья,
Над этой —
Взлетной полосой!

Прими нас, Господи, незваных,
И силой духа укрепи!

Но мы сидим на чемоданах,
Как пес дворовый на цепи!

И нет ни мрака, ни прозренья,
И ты не жив и не убит.
И только рад, что есть — презренье,
Надежный лекарь всех обид.

ВЕЧНЫЙ ТРАНЗИТ

Посошок напоследок,
Все равно, что вода
То ли — так,
То ли — этак.
Мы уйдем в никуда.
Закружим суховеем
Над распутицей шпал.
Оглянуться не смеем,
Оглянулся — пропал!

И все мы себя подгоняем — скорее!
Все путаем Ветхий и Новый Завет.
А может быть, хватит мотаться, евреи,
И так уж мотались две тысячи лет?!

Мы теперь иностранцы.
Нас бессмертьем казнит
Пересадочных станций
Бесконечный транзит.
И как воинский рапорт —
Предотъездный свисток...
Ное-кто — на Восток,
Остальные — на Запад!

Под небом Австралий, Италий, Германий
Одно не забудь
(И сегодня, и впредь!),
Что тысячу тысяч пустых оправданий —
Бумаге — и той — надоело терпеть!

Паровозные встречи —
Наша боль про запас.
Те, кто стали далече, —
Вспоминают ли нас?

Ты взгляни — как тоскует
Колесо на весу...
А кукушка кукует
В подмосковном лесу!

Ну что ж, волоки чемодан, не вздыхая,
И плакать не смей, как солдат на посту,
И всласть обнимая своего вертухая
Под вопли сирен на Бруклинском мосту.

Вот и канули в Лету
Оскорбленья и вой.
Мы гуляем по свету,
Словно нам не впервой!
Друг на друга похожи,
Мимо нас — города...
Но Венеция дождей —
Это все-таки да!

В каналах вода зелена нестерпимо,
И ветер с лагуны пронзительно сер.
— Вы, братцы, из Рима?
— Из Рима, вестимо!
— А я из-под Орши! — сказал гондольер.

О, душевные травмы,
Горечь горьких минут!
Мы-то думали:
Там вы,
Оказались — и тут.
И живем мы, не смея
Оценить благодать:
До холмов Иудеи —
Как рукою подать!

А может, и впрямь мы, как те лицедеи,
Что с ролью своей навсегда не в ладах?!
И были нам ближе холмы Иудеи —
На Старом Арбате, на Чистых прудах?

Мы, как мудрые совы,
Зорко смотрим во тьму,
Даже сдаться готовы —
Да не знаем, кому!

С горя вывесим за борт
Перемирья платок,
Скажем:
Запад есть Запад,
А Восток есть Восток!
И все мы себя подгоняем:
— Скорее!
Все ищем такой очевидный ответ.
А может быть, хватит мотаться, евреи,
И так уж мотались две тысячи лет?!

ПОСЛЕДНЯЯ ПЕСНЯ

За чужую печаль
и за чье-то незваное детство
нам воздастся огнем и мечом
и позором вранья,
возвращается боль,
потому что ей некуда деться,
возвращается вечером ветер
на круги своя.

Мы со сцены ушли,
но еще продолжается детство,
наши роли суфлер дочитает,
ухмылку тая,
возвращается вечером ветер
на круги своя,
возвращается боль,
потому что ей некуда деться.

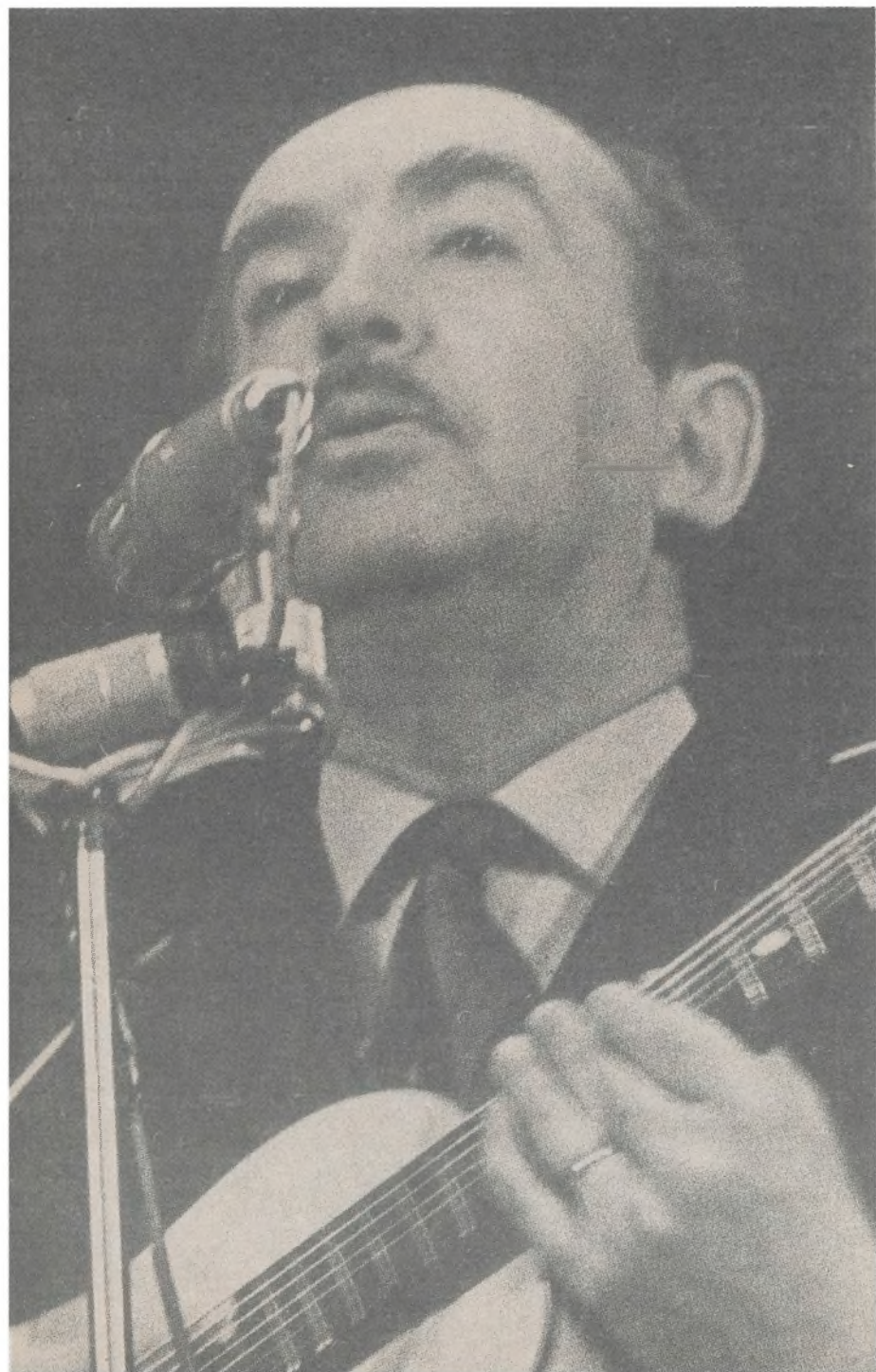
Мы проспали беду,
промотали чужое наследство,
жизнь подходит к концу,
и опять начинается детство,
пахнет мокрой травой
и махорочным дымом жилья,
продолжается детство без нас,
продолжается детство,
продолжается боль,
потому что ей некуда деться,
возвращается вечером ветер
на круги своя.

Послесловие

Приложение

ПЕСНЯ — ЭТО ОРУЖИЕ. СЛУШАЯ ЗАПИСЬ ВЫСТУПЛЕНИЙ „БАРДОВ“

Устарел Чайковский! Устарел Бетховен! И Хачатурян — тоже. Новый величайший шедевр — песенка о „тамбур-мажоре“.

Один мой знакомый, включив магнитофон, познакомил меня с этой песней. И сделал большие глаза: „Э-э-э, да ты отстаешь от жизни! Не слышал?..“ А еще через неделю о моем невежестве напомнил уже ученый, в лекции, прочитанной им в Доме актера.

Что за удивительные мастера искусств появились на земле новосибирской? Нет, не миланский театр „Ла Скала“, не изумительный ансамбль Реентовича, не Дмитрий Дмитриевич Шостакович — все они безнадежно устарели! Взюшли, оказывается, новые звезды — барды. Это о них было немало разговоров в последнее время. Впрочем, интерес к ним понятен: кто не любит песню?.. Да еще молодежную, новую, искреннюю, от которой сердце становится сильнее? „Барды — поясняет энциклопедия — народные певцы кельтских времен, ставшие впоследствии профессиональными средневековыми поэтами — бродячими или живущими при княжеских дворах. Вплоть до второй половины XVI века в Англии устраивались состязания певцов, которые были хранителями народных преданий старины...“

И как было б здорово: появились молодые народные певцы наших дней, что песнями своими славят родную страну, народ, который столько выстрадал за свою долгую историю и сегодня грудью пробивает путь человечеству в лучшее будущее.

... Они вышли на сцену неопрятно одетые, в нечищенных ботинках. В антракте одного „лохматого“ спросили: „Ты, парень, в медведи ударился?“ „Нет, это — протест“, — тряхнул тот нечесаной головой. Молодежь любит новое,

свежее, необычное — такова чудесная черта молодости. И зал аплодировал даже немудрящей песенке, в которой, как говорится, „ни того — ни сего“: хорошо, когда человеку хочется творить, петь, делиться песней с людьми!

Медленно крутятся ролики — запись концертов парней, объявивших себя „бардами“ — народными певцами.

Да, среди них есть люди талантливые. Мужественная „Песня о друге“, не раз звучавшая по радио, создана таким „самодельным“ певцом-композитором. Но вот я слушаю концерты „бардов“ местных и приезжих, что прошли недавно в Новосибирске, и режет слух что-то фальшивое. Какое-то кривлянье, поразительная нескромность и, простите, некоторая малограмотность.

Вот юноша обрывает песню на полуслове и, рассчитывая на овации, томно произносит:

— Я не могу петь! На меня так пристально смотрит из зала в бинокль девушка. Я не могу. На меня еще никогда не смотрели в бинокль...

Другой, усаживаясь, вопрошает со сцены:

— Извините, товарищи, я не очень ору?

Какая галантность!

Потом в зал полилась „блатная музыка“, хулиганские словечки, нарочито искаженный русский язык. Вот слова из „бардова лексикона“: „испужалси“, „страшно аж жуть“, „ентим временем“, „падла“, „хренация“, „сволочи“...

Да ведь пьяный забулдыга, иногда поющий в поезде, — утонченный интеллигент в сравнении с автором вот этих публично исполняемых строчек:

А ён — сучок из гулевых шоферов,
Он — барыга, калымщик и жмот,
Он — на торговой дает будь здоров,
Где за рупь, а где и так прижмет...

Какая тонкая лирика! И вспоминаются иронические строки Маяковского:

„О бард! Сгитарьте
„тара-ра-райра“ нам:
Не вам писать агитки
хламовые.
И бард поет, для сходства
с Байроном
На русский на язык
прихрамывая...“

Вы спросите: как терпела аудитория? Терпела. И —

даже аплодировала. А часть даже бросала на сцену цветы: новое! свежее!

Новое? Свежее? „Я спою вам песню „Лекция о международном положении“! — объявляет очередной. Не звучала еще с эстрады песня с таким названием. Что скажет певец о клокочущем мире, который сбрасывает с себя цепи рабства, о мире, где в смертельной схватке борются две идеологии, два отношения к человеку, два отношения к жизни, два класса — класс тружеников и класс паразитов? Кажется, прозвучит песня-призыв, песня-раздумье о судьбах мира, песня, славящая Родину нашу, которая всей мощью своей сдерживает черные силы, рвущиеся к ядерному пожару. Но где там! Мальчикам, именующим себя „народными певцами“, как говорится, „до лампочки все эти премудрости“! И вот звучит под гитарное треньканье сипловатый торопливый говорок:

А я чешу, чешу ногу и начесаться не могу,
В ЦУМ „Спидолы“ завезли, в ГУМ „болонью“ привезли,
А мандарин не привезли, а греки греков извели,
А я чешу, чешу ногу.
Себе чешу, чешу ногу, тебе чешу, чешу ногу,
И вам чешу, чешу ногу, а начесаться не могу...

В баньку бы сбегать перед концертом! Чтоб не чесаться под гитару на сцене. И хотя бы раз в неделю читать газеты и слушать радио.

— Это же шутка! — говорили мне некоторые их тех, кто слушал эту „чесанку“. Но я хочу возразить, ибо всякое публичное выступление — дело серьезное. „Слово, — писал Маяковский, — полководец человеческой силы“.

И как-то неловко слушать, что „греки греков извели“, в то время, когда наша и почти вся зарубежная печать пишет: в фашистском концлагере тяжело болен Глезос — Герой, Патриот, легендарный борец, который, будучи таким же юным, как наши „барды“, сорвал гитлеровский флаг с Акрополя, доказав врагу: греческий народ непобедим! Совестно слышать это безразличие ко всему на свете, в то время как выдающаяся актриса — слава Греции, покинув родную страну в знак презрения к режиму „черных полковников“, поклялась бороться против них до полной победы народа. Поучиться бы у нее „бардам“ политической зоркости! И разве этикие „народные певцы“ не прививают молодежной аудитории равнодушие ко всему происходящему в мире?

Барды древности громко воспевали мужество, героизм, подвиги и мечты своего народа. Вот тематика очень многих наших „бардов“: поют они... о „женских чулках на голове“,

о „гусарствующих“ бездельниках, а один, ломаясь, вопрошает: „То ли броситься в поэзию, то ли сразу в желтый дом?“ Нет! Лучше — в восьмой класс вечерней школы. Это — не ирония. Это — деловое предложение.

Только приветствовать надо певцов, так сказать, своих, домашних, близких, которые как-то по-особому умеют войти в душу. Но, повторяю, ко всякому публичному выступлению надо относиться с чувством гражданской ответственности. А для того, чтоб творить, надо учиться. Подучить бы русский язык, воспитать в себе высокий эстетический вкус, чтоб не пользоваться дешевыми приемчиками. А наряду со всем прочим ознакомиться с основами этики: очень уж неприятно глядеть на неопрятного певца, чьи пальцы, перебирающие нежные струны, окаймлены траурной полоской. Ах, да! — Это они — „в знак протеста“. Против чего возражаете, парни? Против того, что перед вами — богатейший выбор белых булок, о которых пока лишь мечтать могут две трети человечества? По сводкам ООН, именно столько людей на земле хронически недоедает! Против того, что для вас, молодых, построен великолепный Академический городок, стоящий 300 миллионов? Против того, что отцы ваши титаническим напряжением сил, сознательно идя на лишения, ломая трудности, вырвали Россию из вековой отсталости? Против того, что страна по-матерински заботится о вас, отдавая вам все лучшее, что может она дать сегодня? Против того, что у нас появляется все больше великолепных магазинов, плавательных бассейнов, танцевальных залов, школ, институтов? Против того, что для физического и духовного развития молодежи народ ничего не жалеет и делает все, что в его возможностях в наше сложнейшее время? Да, уверен: всего было бы у нас еще больше, если б не пришлось восстанавливать из пепла почти две тысячи своих городов и несчетное множество сел. Если б не пришлось заново строить разгромленные гитлеровскими негодьями заводы, если б захватчики до нитки не разграбили те края, где довелось им похозяйничать. А ведь грабили все — от кроваток в детском садике до одесского трамвая, который вот так полностью — с рельсами и вагонами — „увели“ захватчики! Я говорю об этом потому, что и молодежь должна все видеть в исторической взаимосвязи. И не странно ли: немцы, кинодеятели супруги Торндайк, создают потрясающий документальный фильм „Русское чудо“, который, затаив дыхание, смотрят миллионы людей за рубежом. Они поражаются мужеству и несокрушимой силе нашего народа, который за полвека — миг на часах Истории — превратил „убогую и бессильную матушку Русь“ в одно из двух сильнейших государств мира. А иные мальчики, видите ли, не умываются и не стригутся „в знак

протеста" против того, что... у нас нет кабаре со стриптизом. Надо бы все-таки знать историю своей страны, мальчишки! И — поклоняться перед подвигом своего народа.

Кабаков со стриптизом не будет: иная у нас мораль, иной взгляд на эту „деталь цивилизации“. А почему вас не волнует, что некоторые влюбленные дарят девочкам цветы, сорванные ночью в сквере Героев революции? Вот бы бардам обрушить свой гражданский гнев на „рыцарей“, ворующих цветы у мертвых! Вот бы певцам народным в иронической песне спросить у девочек, что выскакивают замуж через полсутки после встречи с незнакомцем: „Нуда бежите, милые? Где ваша девичья гордость?“ Вот бы высмеять тех, которые „смолят“ сигареты, даже хлебная суп в столовке? Что-то не знавала русская женщина таких развлечений. И Татьяна Ларина, и Зоя Космодемьянская, которые вошли в историю образцами женственности, нежности, чистоты и силы женского сердца, наверное, с отвращением поморщились бы, заглянув в иное молодежное кафе, скажем, в ту же „Эврику“, где некоторые „девушки в осмнадцать лет“ хлещут горькую не хуже дореволюционных московских извозчиков. А какой материал для барда хотя бы в этой картинке: три плечистых хлопца, покуривая, ругают на чем свет стоит... райисполком за то, что во дворе скользко. А поодаль тетя Дуня-дворничиха тяжелым ломиком долбит лед. Взять бы хлопчикам да помочь ей! Да поразмяться! Показать силу богатырскую, отточенную в бесплатном спортивном зале, на бесплатных стадионах! Но чесать языком легче. Это ли не тема для барда? Если он — настоящий гражданин своего советского Отечества и вместе с народом делит его боли и радости, мечты и надежды. Если, конечно, он заинтересован не в одних аплодисментах, прямо скажем, дешевеньких.

Это ведь так необычно: человек с гитарой „сыплет“ в публичном концерте блатным жаргоном. Действительно, необычно для про stalkов: вместо „Я помню чудное мгновенье“ услышать, как к женщине обращаются вот этак: „Где ж ты, падла, пропала?“

Да, легко „протестовать“, когда на бессонных заводах трудятся девушки и парни, создающие благополучие страны. Когда девчата-доярки делят вечер между учебником заочного вуза и фермой, чтоб поутру напоить „протестантов“ свежим молоком. Когда на границах стоят такие же молодые ребята, оберегающие покой народа. Вот бы воспеть их народным певцам — бардам. Но, увы, мы слышим со сцены кабацкий надрыв, видим манерные ужимочки — не от духовной ли и душевной бедности все это?

* * *

Крутится ролик с пленкой, разматываются концерты, слышатся аплодисменты и даже выкрики „Бис, браво!“ И — жеманные фразы, начинающиеся с буквы „Я“: „Я признаюсь“, „Я очень люблю сочинять“, „Я уже пел“, „Я признавался, что я“... И, наконец: „Я люблю сочинять песни от лица идиотов“.

Кто же раскланивается на сцене? Он заметно отличается от молодых: ему вроде б пятьдесят. С чего б „без пяти минут дедушке“ выступать вместе с мальчишками? „Галич, Галич“, — шепчут в зале. Галич? Автор великолепной пьесы „Вас вызывает Таймыр“, автор сценария прекрасного фильма „Верные друзья“? Некогда весьма интересный журналист? Он? Трудно поверить, но именно этот, повторяю, вполне взрослый человек, кривляется, нарочито искажая русский язык. Факт остается фактом: член Союза писателей СССР Александр Галич поет „от лица идиотов“. Что заставило его взять гитару и прилететь в Новосибирск? Жажда славы? Возможно. Слава — капризна. Она — как костер: непрерывно требует дровишек. Но, случается, запас дров иссякает. И, пытаясь поддержать костерик, иные кидают в него гнилушки. Что такое известность драматурга в сравнении с той „славой“, которую приносят разошедшиеся по стране в магнитофонных „списках“ песенки с таким откровенным душком?

Справедливости ради скажем: аплодировали не все и не всюду. Одни изумленно молчали. Другие уходили из зала, не дослушав концерт. В консерватории, например, „президенту московского клуба песни“, призывавшему зал петь вместе с ним сомнительную песенку, свистнули: „Пой сам!“ Но кое-где аплодисменты были.

За что подносите „барду“ цветы, ребята? Вдумайтесь-на. Вот его „Баллада о прибавочной стоимости“ — исповедь гнусненького типа, который „честно, не дуриком“ изучал Маркса. И однажды, „забавляясь классикой“, услышал по радио „свое фамилие“ (сохраняю произношение писателя Галича). Кажется, что это песня, — развенчивающая подлеца и приспособленца, который готов продать за пятак свои убеждения. Да, негодяев надо предавать позору. Но Галич сделал песенку, так сказать, „с двойным дном“. Вслушайтесь в слова, какими он пользуется, с какой интонацией их произносит. И вы видите: „барду“ меньше всего хочется осудить своего „героя“. Он его вдохновенно воспекает.

В некоей стране Фингалии „тетя, падла Калерия“ (сохраняю лексику Галича) „завещала племянничку землю и фабрику“. „Почти что зам“ Вовочка, чувствуя себя капиталистом, закатывает недельную пьянку в „ресторации“. И вот:

Пил в субботу и пью в воскресенье,
Час посплю и опять в окосение.
Пью за родину и за неродину...

Святые слова „за Родину!“ произносятся от лица омерзительного, оскотиневшего пьянчуги! С этими словами ваши отцы ходили в атаки Великой Отечественной. С этими словами Зоя шла на фашистский эшафот. Не забыли Зою? Не забыли „сказочную стойкость комсомольских сердец у стен Сталинграда“, о которой говорил маршал Чуйков и без которой сейчас, наверняка, не учились бы вы ни в школах, ни в университетах?! В братской могиле, в 80 километрах на запад от Москвы, лежит тысяча дорогих моих однополчан: со словами „За Родину!“ бросались они на немецкие танки, рвали и жгли их, но не пропустили к сердцу страны! Как бы они посмотрели на того, кто произносит эти слова под отрыжку пьяного бездельника? И — на вас, аплодирующих?

...Вовочка, „очухавшись к понедельнику“, узнает от теледиктора: в Фингалии — революция. Земля и заводы — национализированы. Народы Советского Союза поздравляют братский народ со славной победой. И вот несостоявшийся капиталист, так сладко воспеваемый Галичем, — в бешенстве:

Я смотрю на экран, как на рвотное!
Негодяи, кричу, лоботрясы вы!

Это о тех, кто совершил революцию, избавив свою страну от угнетателей! Это же откровенное издевательство над нашими идеями, жизненными принципами. Ведь Галич, кривляясь, издевается над самыми святыми нашими понятиями. А в зале... пусть редкие, но — аплодисменты. Вот ведь до чего доводит потеря чувства гражданственности! Да разве можно вот этак — о своей родной стране, которая поит тебя и кормит, защищает от врагов и дает тебе крылья? Это же Родина, товарищи!

Новая песня. И опять — исповедь омерзительного типа с моралью предателя, который готов изменять не только жене, не только своей чести коммуниста, но умело обманывает людей. На первый взгляд, Галич высмеивает подлеца. Но вслушайтесь в его интонации, в словарь его песни, которая как бы в издевку названа „Красным треугольником“ (подлец, его жена — „начальница в ВЦСПС“ и его „падла“, которую он водит по ресторанам). И опять вместо того, чтобы освистать своего „героя“, Галич делает его победителем:

Она выпила „Дюрсо“, а я „перцовую“
За советскую семью образцовую...

Да, это, разумеется, нелепость: обсуждать личные отношения супругов на собрании. Но Галич — не об этом. Своим „букетом“ таких песенок он как бы говорит молодежи: смотрите-ка, вот они какие, коммунисты. И следующим „номером“ подводит молодых слушателей к определенной морали. Как бы в насмешку, он объявляет песню „Закон природы“. Некий „тамбур-мажор“ выводит по приказу короля свой взвод в ночной дозор. Командир взвода „в бою труслив, как заяц, но зато какой красавец“. (У Галича это идеал мужчины?!). Взвод идет по мосту. И так как солдаты шагают в ногу, мост, по законам механики, обрушивается. И поучает, тренькая на гитаре, „бард“ Галич:

Повторяйте ж на дорогу не для красного словца:

Если все шагают в ногу, мост обрушивается!

Пусть каждый шагает, как хочет!

Это — уже программа, которую предлагают молодым и, увы, идейно беспомощным людям. Смотреть на войну в кино легко и безопасно. В 1941-м вместе с друзьями-сибиряками я оборонял Москву. Вся страна защищала свою столицу! Вся Москва вышла на хмурые подмосковные поля, на московские улицы ставить противотанковые заграждения. Даже дети дежурили на крышах домов, охраняя город от немецких зажигательных бомб. Все шагали в ногу! Весь народ!

И если бы весь народ не шел тогда в ногу, создавая в трудные годы пятилеток мощную индустрию, растя свою армию, вряд ли смогли бы мы выдержать единоборство с дьявольской силой фашизма. И вряд ли Галич распевал бы сегодня свои подленькие песенки. Ведь одной из стратегических целей Гитлера было уничтожение советской интеллигенции.

Есть высшее определение мужской честности. Мы говорим: „С этим парнем я б уверенно пошел в разведку“. Так вот: Галич учит вас подводить товарища в разведке, в трудной жизненной ситуации, иными словами, пытается научить вас подлости. „Пусть каждый шагает, как хочет“ — и мы читаем в „Вечерке“, как трое окосевших „мальчиков“ из Инского станкостроительного техникума ломают вагон „электрички“, построенный руками советских рабочих, бросаются с кастетом на машиниста. „Пусть каждый шагает, как хочет“ — и вы бросаете во вражеском тылу раненого друга. „Пусть каждый шагает, как хочет“ — и вы предаете любимую женщину. „Пусть каждый шагает, как хочет“ — и вы перестаете сверять свой шаг с шагом народа. Глубоко роет „бард“, предлагая в шутовском камуфляже такую линию поведения. Мне, солдату Великой Отечественной,

хочется особо резко сказать о песне Галича „Ошибка“. Мне стыдно за людей, аплодировавших „барду“, и за эту песню. Ведь это издевательство над памятью погибших! „Где-то под Нарвой“ мертвые солдаты слышат трубу и голос: „А ну, подымайтесь, такие-сякие, такие-сякие!“ Здесь подло все: и вот это обращение к мертвым „такие-сякие“ (это, конечно же, приказ командира!), и вот эти строки:

Где полегла в сорок третьем пехота
Без толку, зазря,
Там по пороше гуляет охота,
Трубят егеря...

Какой стратег нашелся через 25 лет! Легко быть стратегом на сцене, зная, что в тебя никто не запустит даже единственным тухлым яйцом (у нас не принят такой метод оценки выступлений некоторых ораторов и артистов). Галич клеветает на мертвых, а молодые люди в велико-лепном Доме ученых аплодируют. Чему аплодируете, ребята и девушки? Тому, что четверть века назад погибли отцы, если не ваши, то чьи-то другие? Он же подло врет, этот „бард“! Да, на войне, говорят, иногда стреляют. На войне, к сожалению, гибнет много людей. Гибнут по-разному: одни в атаке, другие — в горящем самолете, третьи — нарвавшись на мину или под вражеской бомбежкой. Но кто, кроме Галича, возьмет на себя смелость утверждать, что „солдаты погибли зазря“? Каждый сделал свое дело, каждый отдал победе свою каплю крови. И нечего над этой святой кровью измываться. Галичу солдат не жаль. Галичу надо посеять в молодых душах сомнение: „они погибли зря, ими командовали бездарные офицеры и генералы“. В переводе это означает: „На кой черт стрелять, ребята! На кой черт идти в атаку? Все равно — напрасно! Бросай оружие!“ Вот как оборачивается эта песенка! Не случайно „бард“ избрал молодежную аудиторию: он понимает — спой он это перед ветеранами войны, они б ему кое-что сказали. „Бард“ утверждает, что он заполняет некоторый информационный вакуум, что он объясняет молодежи то, что ей не говорят. Нет уж, увольте от такой „информации“. И не трогайте молодых! Кто знает: не придется ли им защищать Отечество, как нам четверть века назад? Зачем же вы их морально разоружаете?

Мне, ребята, вспоминается другое: там, под Можайском, мы отбиваем двадцатую за сутки атаку немецких танков. И комиссар нашего полка скрипит зубами: „Какие гибнут люди! Какие ребята! Пушкины гибнут! Орлы!“ Назавтра он погиб, командуя группой пехотинцев, отражавших очередной танковый удар. Но в том бою сибиряки за день сожгли 56

немецких танков. В том бою мне пришлось оборонять узел связи. Война полна неожиданностей. Не думал я еще ночью, что утром на меня навалится орава фашистов. Но когда вышли патроны, я взорвал себя, блиндаж и гитлеровцев гранатой. В том бою я потерял ноги. Но я убежден — мои командиры были героями, мои генералы были славными полководцами. Сказав, что „победа будет за нами“, они, как известно, слов на ветер не бросали.

— Да что ты, — говорили мне иные из слушавших Галича. — Это здорово! Он смелый! Он — за правду!

Галич — „певец правды“? Но ведь, говорят, и правда бывает разная. У Галича она связана с явным „заходом на цель“ — с явной пропагандистской задачей. Знаем мы таких „страдальцев о российских печалях“. Послушали их под Москвой по своим армейским рациям. Тогда остатки белогвардейской мрази учили нас „любить Россию“, стоном стонали, расписывая „правду об ужасах большевизма“, а потом откровенно советовали: „Господа сибиряки! Бросайте оружие! Германская армия все равно вступит в Москву!“

Не вступила! А мир увидел нашу советскую правду, трудную, порой горькую, но прекрасную правду людей, мечтающих о земле без войн, без оружия, без угнетателей, без подлости.

Поведение Галича — не смелость, а, мягко выражаясь, гражданская безответственность. Он же прекрасно понимает, какие семена бросает в юные души! Так же стоило бы назвать и поведение некоторых взрослых товарищей, которые, принимая гостей, в качестве „главного гвоздя“ потчуют их пленками Галича! И сюсюкают: „Вот здорово! Вот режет правду!“. Дело дошло до того, что кандидат исторических наук Ю.Д. Карпов иллюстрирует лекции „Социология и музыка“... песнями Галича. И утверждает: „Это — высокое искусство!“ Пусть бы наслаждался, так сказать, „персонально“. Но зачем таскать блатняцкие „опусы“ по городским клубам? Не совестно, Юрий Дмитриевич? Ведь вы все-таки кандидат исторических наук. И должны помнить слова Ленина о том, что всякое ослабление позиций идеологии коммунистической немедленно используется. Уж вам-то, как говорится, по долгу положено воспитывать молодежь в духе коммунистической идейности, раскрывать перед ней хитрые приемы буржуазных идеологов и пропагандистов, которым ой как хочется, чтоб молодежь наша не училась у отцов ни геройству, ни пламенному патриотизму! Согласно своим гражданским обязанностям вы должны прививать молодежи любовь к прекрасному, а не пропагандировать в качестве „высокого искусства“ мусор.

— Занимают талант, — слышу я голоса любителей „чесать

ногу*, — зажимают свободу мнения! Свободу слова!

Но Галич свободно высказал свое мнение в публичных концертах. Видимо, на такую свободу имеет право один из его слушателей. Да, свобода слова! Но всякий, публично выступающий на общем ли собрании или в концерте „бардов“, обязан думать о политических и гражданских мотивах своего выступления. Это — закон любого общества. „Жить в обществе, — писал Ленин, — и быть свободным от общества — нельзя“.

Я сознательно ставлю слово „барды“ в кавычки, не потому, что их творчество не заслуживает признания. Некоторые их песни подлинно лиричны, мужественны, они по-настоящему волнуют. Но думается, что бард, народный певец — должность серьезная. Он выражает думы и чаяния народа. Вспомним кобзарей, русских сказителей, тех же английских бардов. Разве позволяли они себе хулигански коверкать родной язык? Разве оскорбляли они память героев? Каждое слово народных певцов помогало народу. Большинство наших „бардов“ в этом деле пока хромают на обе ноги.

Галич, человек опытный в журналистике и литературе, отлично понимает: талант — это оружие. Выступая же в роли „барда“ в Новосибирске, член Союза писателей СССР, правда, прикидываясь идиотом, бил явно не туда. Прикиньте сами, ребята: чему учит вас великовозрастный „бард“? И поспорьте, и оглянитесь вокруг, и посмотрите на kloкочущий мир, где враги свободы и демократии стреляют уже не только в коммунистов, где идет непримиримая битва двух идеологий. И определите свое место в этой битве: человеку всегда нужна твердая жизненная позиция.

Не так уж далека пора, когда вы станете взрослыми и на плечи каждого из вас ляжет частица ответственности за судьбы родной страны. Понемногу уходят от нас милые наши старики, наши отцы. Стареет и наше поколение победителей фашизма. Мы передадим вам нашу землю — единственную в целом свете страну, которую все мы нежно зовем матерью. В прекрасной песне одного из ленинградских бардов поется: „Атланты держат небо на каменных руках“. Вам придется держать на своих руках не только родную нашу страну — целый мир: так складывается история. Удержите ли? Для этого нужны не только сильные руки, но и крепкие сердца. А песня, как известно, способна сделать сердце и куском студня, и слитком броневой стали...

Николая МЕЙСАН,

член Союза журналистов СССР,

участник обороны Москвы

(Газета „Вечерний Новосибирск“, 1968 год)

СТРАННЫЕ ЛЮДИ ЗАПОЛНИЛИ ГОРОД

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ АВТОРА

В марте 1968 года в Академгородке под Новосибирском состоялся Первый фестиваль бардов. Среди участников Юрий Кукин, Александр Дольский... Звездой же первой величины по праву был Александр Аркадьевич Галич. Концерты, дискуссии, пресс-конференции... Академгородок бурлил. Но уже ко второй половине фестиваля над ним начали сгущаться тучи. Из Новосибирска на черных „Волгах“ стало подкатывать начальство, о чем-то мрачно совещаться за закрытыми дверьми. Фестиваль тем не менее удалось довести до конца. На банкете по поводу его закрытия Александр Аркадьевич Галич оставил автограф на моей почетной ленте члена пресс-группы: „А все-таки, если даже будет плохо — пока хорошо. Галич“. Как в воду глядел. В печати — сначала в новосибирской, а потом и в центральной — стали появляться статьи, обвиняющие бардов во всех смертных грехах, фестиваль был объявлен идеологической ошибкой, клуб молодых ученых „Под интегралом“, центр всей духовной жизни Академгородка, разогнан, у ребят полетели кандидатские, докторские, в Москве начались неприятности у Галича... В общем, типичная история тех лет.

Моя статья о фестивале, которую я по приезде сдал в один из московских журналов, не пошла. Тогда она носила репортажный характер, журналистский отчет об актуальном событии, теперь, через двадцать лет, она превратилась в „ретро“, в мемуары.

* * *

Фестиваль как фестиваль. Ничуть не хуже любого московского. Или, скажем, венецианского.

Два-три дневных концерта, ночные дискуссии в табачном дыму, утренние пресс-конференции, приемы у членов

правления клуба „Под интегралом“. Я не оговорился — не правления, а правительства, потому что во главе клуба молодых ученых стоят Президент и Премьер-министр, а министры социологии, культуры, информации, даже министр нежных чувств и странных дел — составляют кабинет. Министры задавали приемы гостям фестиваля в своих однокомнатных квартирах, а Президент, соответственно, в своей двухкомнатной.

На сцене, где пели барды, всегда сидел народ и, попробовав сложить научные степени по обе стороны рампы, мы могли получить абсолютно равные величины. Может быть, поэтому на концертах исчезали те полтора метра, которые обычно возвышают сцену над зрительным залом. Чтобы воссоздать демократическую атмосферу фестиваля, я буду бардов (кроме одного) называть неполными именами. Это, правда, не значит, что со всеми я пил на брудершафт. Просто мне кажется, что и на афишах (когда ими оклеют заборы больших городов) надо писать, например, так: „ЮРА КУКИН. ПЕСНИ С ИСТОРИЯМИ“.

Юра так и говорит:

— У меня каждая песня с историей.

Вот что он рассказывает залу перед тем, как спеть „Миражи“.

— Однажды крутили у ребят запись французского джазиста, он цыган по национальности, Джанго Рейнхард, по моему, так его звали. Очень мне понравилась одна мелодия. Захотелось написать слова, я и написал. Но петь не смог — музыкально сложно, а в гармонии примитивен. Тогда я написал на эти слова свою же музыку. Ну и получилось:

Я — заснувший пассажир,

Поезд — жизнь.

Выплывают миражи

Сна, лжи.

Кукину 35 лет. Живет в Ленинграде. Тренер по фигурному катанию. А летом, когда вместе со льдом тает его работа, ходит в геологические партии.

Министр социологии клуба „Под интегралом“ Юра Карпов сказал как-то: „Недоделанность песен бардов соответствует недоделанности нашего обыденного сиюминутного сознания“.

Вот-вот... Это как моментальная фотография — и рот открыт, и глаза выпучены, и рука взмахнула, смазалась да торчит, словно культя. Не очень-то красиво, но вдруг в этих нелепостях проскакивает нечто такое, что объект запрячет глубоко-глубоко, позировав великому мастеру. Другое дело,

мастер, если он великий, выловит это нечто, как вишню из коктейля — у него свой метод, свой талант, а у моменталиста свой. Мастер производит единицу продукции и гарантирует качество, моменталист же вываливает перед вами гору своих работ и просит выбрать, кому что понравится. Ловлю себя на мысли, что второе мне интереснее. Создается иллюзия, будто ты сам участвуешь в процессе творчества. Ведь оцениваем мы (возвращаясь к бардам) — это бард мой, тот не мой, эта песня моя, та мне чужая. И, может быть, секрет обаяния и популярности гитарных певцов заключается в том, что при оценке их творчества на нас не давит авторитет. Барды — наши боги и герои именно потому, что они никакие не боги и не герои, а как мы — обыкновенные современники друг друга. Мозги бардов — наши мозги, а их возможности — наши возможности. Во всяком случае, нам так кажется.

На фестивалях путь к славе короткий, как стометровка для бегуна на длинные дистанции.

Всего пятнадцать минут понадобилось Саше Дольскому на то, чтобы стать „звездой первой величины“. Спел он „Развеселую песенку о манекене“, „Как нарисовать птицу“ (на слова Жака Превера), да „Канатоходца“, да „Фантомаса“, и — Дольский, Дольский, Дольский! — пронеслось по Академгородку.

В отличие от многих бардов, Саша великолепно владеет гитарой, и музыкальные акценты в его песнях так же важны, как смысловые. Саша обаятелен вплоть до того, что на дискуссии получил упрек в том, что слишком нравится залу. Действительно, в анкете на вопрос „профессия“ Саша может смело писать: „Любимец публики“. А вообще-то он аспирант кафедры экономики строительства в одном из свердловских институтов, и всякий раз при встрече профессор говорит ему: „Доктор Дольский, когда вы бросите свои танцы-шманцы?“

А зал топчет ногами: „Еще, Саша, еще!..“ Какое ему, залу, дело, что Саше через два часа лететь в Свердловск на заседание кафедры, которой, в свою очередь, безразлично его увлечение „танцами-шманцами“. Но пока есть время, бард в который раз поет:

Полусолнце, полудожь,
Зонтик полукрасный.
Ты ко мне полуидешь
Сверхполупунапрасно.

И еще:

Я по свету хожу,
Я прохожих прошу —
Поселитесь, пожалуйста, в доме,
Проведу я вам газ,
Я же строил для вас, —
Возьмите, вот ключ на ладони.

Однако никто не хочет заселять дом. И это при нашей подробности в жилье?! В чем дело? А вот в чем: дом-то, оказывается, нарисованный. Кто ж такой будет принимать всерьез?.. А бард все просит и просит... Если бы ему доверились, дом тотчас же стал бы взаправдашним, кирпичным — он обещает.

Поверить ему — вот все, что нужно барду от нас. Даже меньше — выслушать. Для него песня — единственная возможность самовыразиться. А в наше время одному человеку почти невозможно стать автором конечного продукта. Один делает болты, второй — гайки, третий — колеса, четвертый — еще что-нибудь... Десятый... Двадцатый... Сотый... А сто первый ездит в автомобиле, который из этих болтов и гаек свинчен.

...Выше я писал, что барды своим видом ничуть не отличались от аборигенов Академгородка. Но был среди участников фестиваля один, определить принадлежность которого к искусству не составляло никакого труда. Высокий, стройный, в небрежно подвязанном поясом сером мохнатом пальто, с небольшими усиками над яркими губами гурмана — казалось, своей аристократичностью он должен был шокировать плебейское братство бардов... Ан нет! Он-то и был бардом №1.

Александр Аркадьевич Галич, 48 лет, известный драматург и киносценарист. За последние несколько лет написал более семидесяти песен и так быстро приобрел популярность в новом качестве, что у многих Галич-драматург до сих пор ассоциируется с Галичем-поэтом.

А как раз самые интересные песни Александра Аркадьевича те, в которых его поэтический талант проецируется на талант драматурга. Получаются песнопьесы. Острые, смешные, социальные... Недаром один московский театр предложил Галичу написать сатирическую комедию по его песне „Баллада о прибавочной стоимости“. В самом деле, чем не сюжет?

Мещанин, неприметная личность, вдруг узнает, что его тетя Калерия, почившая в далекой капиталистической Фингалии, оставила ему богатое наследство. И вот сквозь

неприметную личность продирается заводчик, выжига, купец. В ожидании мешков с банковским клеймом проматывает купец все свои кровные, ведь теперь они ему, как насморк покойнику. Оргия, кульминация. Конец первого акта. А что дальше? А вот что. Смотрит наш герой телевизор и узнает, что в Фингалии произошла революция, национализируется промышленность и становятся народными все банки, фабрики, заводы... Представляете, что творится с неприметной личностью? Он поет:

Я смотрю на экран, как на рвотное,
То есть как это так — все народное?!
Это ж наше, кричу, с тетей Калею,
Я ж за этим собрался в Фингалию.

Неприметный звереет. В свои личные враги он первым делом зачисляет... Маркса. Ведь не кто иной, как Маркс предсказал в свое время крушение всех неприметных личностей с приметными капиталами. Вот так кончается леденящая душу история „мещанина во богатстве“.

В Академгородке зал покатывался от хохота, а социологи срочно переписывали слова, чтобы потом использовать песню в качестве учебного пособия.

— Боржом... Если бы можно было достать боржом, — выбегает Александр Аркадьевич за кулисы, воспользовавшись затянувшейся оацией.

Достают боржом, и Галич поет еще. Целое отделение. Галич считает, что пение барда — не музицирование, не наговаривание стихов, а т е а т р. В этом театре только один актер, а раз так, надо уметь быть на сцене долго. Разумеется, с помощью боржома.

Актер Галич великолепный. Многие поют его песни, но так, как делает это он, не может никто. В его исполнении становится выпуклым не только каждое слово, но и каждая буква.

... А мы баллагурим, а мы курррролессим,
Нам недррругов ллесть — как во-да из ко-ло-дца.
Но помни — по ррельсам, по рррельсам, по рррельсам
Колесса, колесса, колесса, колес...

Нет, не то. Даже если записать слова так, как их прррроизносит Галич, все равно эффекта вашего присутствия на его концерте не получится.

Галич — сатирик. И как вокруг творчества всякого сатирика, на дискуссиях затевались споры: а не лучше ли о наших недостатках говорить не так часто и не так резко,

и не так открыто, и вообще не так уж и говорить. Казалось, будь у таких оппонентов талант, взяли бы они гитару сами и спели миленький „Старательский вальсок“, слова которого придумал за них Галич:

Мы давно называемся взрослыми
И не платим мальчишеству дань,
И за кладом на сказочном острове
Не стремимся мы в дальнюю даль.
Не в пустыни, не к полюсу холода,
Не на катере к чертовой матери...
Но поскольку молчание — золото,
То и мы, безусловно, старатели.
Промолчи — попадешь в первачи.
Промолчи, промолчи, промолчи.

Уже в Москве я позвонил дирижеру Кириллу Петровичу Кондрашину:

— Скажите, пожалуйста, вас как профессионального музыканта не оскорбит, если барды и менестрели, слабо владеющие правилами композиции, будут широко выступать в концертных залах? Не осыплется краска с портретов великих композиторов, спой бард свою песенку с консерваторской сцены?

— Не буду говорить за великих, — ответил Кирилл Петрович, — что касается меня, то я, когда слушаю песни, о которых вы говорите, отрешаюсь от музыкальных оценок, так же, как не пытаюсь оценить отдельно слова. Я слушаю все вместе, и все вместе мне нравится. Пока барды больше берут у фольклорной мелодистики, чем дают ей, но я верю, что долг они вернут. Их мелодии станут подлинными народными безымянными мелодиями. Собственно, этот процесс уже происходит.

Однажды на концерте Галич сказал:

— Когда песня хорошая, ее поют все, и автор постепенно становится неизвестным. А вот если плохая, тычут в композитора или поэта пальцем и говорят: „Вот он, он это написал“.

Для нас, живущих в конце шестидесятых годов двадцатого века, фольклор — это нечто былинно-сказочно-частушечное. Это некие душистые слова, вырезанные из бересты, сплетенные из трав, перевитые куделькой... Современные барды выпиливают свои слова из пластмасс, металла и соединяют их проволокой. Иногда колючей.

На наших глазах создается народное творчество городской интеллигенции. Даже сама эта формула звучит

парадоксально. Однако если интеллигенция — часть народа, почему же ее самостоятельное творчество не фольклор? Городской гитарист и деревенский гармонист — коллеги, говоря языком первого, или братья, выражаясь языком второго.

На закрытии фестиваля „наш советский Пит Сигер“ Сережа Чесноков, худощавый вежливый физик, зловеще поблескивая очками, пел с залом пиратскую песню Юлия Кима:

По бушующим волнам
Мы гуляем тут и там,
И никто нас не зовет
                                в гости.
А на мачте черный флаг,
А на флаге белый знак,
Человеческий костяк —
                                кости!
А-ха-ха-ха!

— В этом месте надо свистеть! — кричит Сережа в зал. — Мы же все пираты!

И зал свистит, ухает, ахает, топают ногами и делает все, что повелевает ему востренький Сережа Чесноков, заставляя в свою очередь его петь песню за песней.

Вот и конец празднику. Раздача символических призов. Юра Нукин получает специальный приз за лучшую песню об Академгородке. Песню он писал не о нем, но какое это имеет значение — слова правильные. Песня старая и написана про некий фантастический город, но Юра считает, что наконец он появился в Сибири. Странные люди заполнили весь этот город.

Мысли у них поперек и слова поперек,
И в разговорах они признают только споры,
И никуда не выходит оттуда дорог...

Ученые дарят Нукину колбу с чем-то прозрачно-белым внутри. На колбе написано: „Туман Академгородка“. Вручает приз Анатолий Бурштейн — Президент клуба „Под интегралом“.

Вручил и сразу же затеребил правой рукой левую половину своей кандидатской бородки, как теребил ее все шесть фестивальных дней. Впрочем, те, кто знают Бурштейна давно, говорят, что он лишь тогда не касался своей бороды, когда ее у него не было. Но этот период придворные биографы опускают, потому что тогда Толя жил в Одессе и даже не подозревал, что в далекой Сибири его

ждет президентский титул.

— Я по натуре человек энергичный, — говорит Президент. — Живи я в Москве, я бы удовлетворял свой темперамент в суматохе столичной жизни, а здесь, в Академгородке, когда он только начинался, эту суматоху надо было организовать самому. И вот мы с ребятами затеяли клуб молодых ученых, чтобы вызвать вокруг себя мелькание лиц, а потом из этого мелькания выхватывать себе единомышленников.

Сейчас, когда Бурштейн произносит: „Первый фестиваль бардов и менестрелей объявляю закрытым“ — его глаза полны тоски.

Отменное было мелькание!..

1968

Виктор СЛАВНИН

(Журнал „Родник“ №10, Минск 1988 год)

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Алена Архангельская (Галич). Вместо предисловия 5

СТИХОТВОРЕНИЯ 1961—1966 ГОДОВ

I. От первого лица...

Вальсы:

1. Старательский вальсок	15
2. Женский вальс	17
3. Вальс, посвященный уставу караульной службы	19
4. Колыбельный вальс	21

Марши:

1. Слава героям	25
2. Смерть Ивана Ильича	26
3. Закон природы	27
4. Предостережение	29
5. Ошибка	30
6. Левый марш	32
7. Ночной дозор	34
8. Сто тысяч почему	36

О поэзии:

1. Пропадавшая рифма	41
2. Гусарская песня	42
3. Цыганская песня	45
4. Романс	47
5. Песня про острова	49
6. Прощание с гитарой	50
Поезд	52
Неоконченная песня	54
Уходят друзья	56
Песня про счастье	58
Песня про майора Чистова	59

II. Бедные мы, бедные...

А в Останкино поют:

1. Про Леночку и эфиопского принца	65
2. Тонечка	68
3. Фарс-гиньоль	70

Песни о пенсионерах:

1. Облака	75
2. Заклинание	77
3. Право на отдых...	79

Разноцветные песни:

1. Веселый разговор	85
2. Песня про синюю птицу	87
3. Красный треугольник	89

Монологи шоферов:

1. Больничная цыганочка	95
2. Атомное столетие	98

На научные темы:

1. О малярах, истопнике и теории относительности	103
2. Я принимаю участие в научном споре...	105
3. Баллада о прибавочной стоимости	107
Композиция №27, или троллейбусная абстракция	111
Командировочная пастораль	113
Все не вовремя	115

Послесловие:

Мы не хуже Горация	119

СТИХОТВОРЕНИЯ 1967—1977 ГОДОВ

Баллады:

1. Баллада о чистых руках	127
2. Баллада о вечном огне	129
3. Баллада о том, как едва не сошел с ума директор антикварного магазина...	132
4. Королева материка	135
5. Песня-баллада про генеральскую дочь	139
6. Баллада о сознательности	141
7. Баллада о стариках и старухах...	144
8. Баллада о том, как одна принцесса раз в два месяца приходила поужинать в ресторан „Динамо“	146

Коломийцев в полный рост:

1. Из речи на встрече с интеллигенцией	151
2. Из беседы с туристами из Западной Германии	152
3. О том, как Клим Петрович выступал на митинге в защиту мира	153

4. О том, как Клим Петрович сочинил научно-фантастическую колыбельную... 155
5. О том, как Клим Петрович добивался, чтоб его цеху присвоили звание цеха коммунистического труда... 157
6. Плач Дарьи Коломийцевой по поводу застоя ее супруга... 159
7. О том, как Клим Петрович восстал против экономической помощи слаборазвитым странам 161

Литераторские мостки:

1. Памяти Б. Л. Пастернака 167
2. Снова август 169
3. На сопках Манчжурии 171
4. Легенда о табаке 174
5. Возвращение на Итаку 178

Серебряный бор:

1. Священная весна 183
2. Письмо в семнадцатый век 185
3. Номера 189
4. Пейзаж 191
5. Прощание 192
- Песня об отчем доме 193
- Кумачовый вальс 195
- Псалом 197
- Заклинание добра и зла 199
- Опыт ностальгии 201
- Слушая Баха 204
- Опыт прощанья 205
- Опыт отчаянья 206
- Вечный транзит 207
- Последняя песня 210

Послесловие:

- „Когда я вернусь...“ 213

ПРИЛОЖЕНИЕ

- Николай Мейсак. „Песня — это оружие.“ 217
- Слушая запись выступления „бардов“ 217
- Виктор Славкин. „Странные люди заполнили город“ 228

Александр Галич
Избранные стихотворения

Редактор *Н.Богомолов*
Художник *А.Рыбаков*
Технический редактор *Н.Голицына*
Корректор *Е.Началова*
Фотографии *М.Баранова,*
Г.Шакина, В.Давыдова, А.Нариньяни

BT-08019 Подписано в печать 16.11 89 г.
Формат издания 84x108/32. Бумага офсетная.
Печать офсетная.
Усл печ л. 12,6.
Уч -изд л. 10,09. Тираж 100 000 экз.
Заказ №2641. Изд. №8576 Цена 4 р 50 к

Издательство Агентства печати Новости
107082, Москва, Б Почтовая ул., 7.

Типография Издательства Агентства печати Новости
107005, Москва, ул. Ф Энгельса, 46

- Щелк, щелк, щелк!
Ах, веселый разговор!

Как случилось - ей вчера ж было двадцат
А уж доченьке девятый годочек?!
И опять к ней подъезжать начал Званцев,
А она про то и слушать не хочет!
Ну, и стукнул он - со зла, не иначе!
Сам не рад, да~~же~~ пойдешь на попятный!
Обнаружили ее в недостатке,
Привлекли ее по сто^{на шаг} тридцать пятой!

А там амнистия - и снова в кассу!

А касса щелкает,

Касса щелкает,

Засекается ваш крючок!

И трясет она рыжей челкою.

А касса:

- Щелк, щелк, щелк!

Ах, веселый разговор!

Уж любила она дочку, растила,

Отглянуться не успела - той двадцать!

Ой, зачем она в продмаг зачастила?!

Ой, зачем ей улыбается Званцев?!

А как свадьбу сыграли в июле -

Было шуму на Песчаной на нашей...

Говорят в парадных добрые люди,
Что зовет ее, мол, Званцев, мамаш